

Своя

октябрь 2015

журнал
Никиты Михалкова

*Но и тогда,
Когда во всей планете
Пройдет вражда племен,
Исчезнет ложь и грусть, —
Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названьем кратким «Русь».*

Сергей Есенин

Человеческое — чуждо

Как Писарев упал
с корабля современности

Под псевдонимом Рамзай

История
разведчика №1

Новая сказка про Колобка

Кому Афоня
рубль должен был

Дневник Фестиваля света Москва. 26 сентября — 4 октября

Комплекс зданий Министерства обороны Российской Федерации на Фрунзенской набережной Пушкинская набережная (Зрительская зона)

Мультимедийное световое шоу «В Городе света».

Световые новеллы

26 сентября 20.00 – 21.15

27 сентября 19.45 – 20.45 и 21.45 – 22.45

3 и 4 октября 19.45 – 20.45 и 21.45 – 22.45

ВДНХ

Павильон № 1 «Центральный»

(Фасад со стороны фонтана «Дружба народов»)

Циклический видеомэппинг: Показ работ участников конкурса «Арт вижн Модерн» 2015

26 сентября 19.30 – 23.00

Концерт Дмитрия Маликова в сопровождении видеомэппинга

27 сентября 20.00 – 21.00

Циклический видеомэппинг: Показ работ участников конкурса «Арт вижн Модерн» 2015.

Видеомэппинг на музыку Дмитрия Маликова

27 сентября – 4 октября 19.30 – 23.00

Площадка перед павильоном № 66 «Культура»

Световое ледовое шоу от Татьяны Навки

28 сентября 20.00 – 20.45

29 сентября – 3 октября 20.00 – 20.40

Павильон № 32 «Космос»

Циклический видеомэппинг: Показ работ участников конкурса «Арт вижн Виджеинг» 2015

26 сентября – 4 октября 19.30 – 23.00

Выступление виджеев: Группы Addictive TV (Великобритания)

29 сентября 20.30 – 21.00

Выступление виджеев: Eclectic Method (Испания)

29 сентября 21.30 – 22.00

Большой театр

Фасад Большого театра

Циклический видеомэппинг:

Показ работ участников конкурса

«Арт вижн Классик» 2015.

Видеомэппинг на тему балета «Лебединое озеро» памяти Майи Плисецкой.

Видеомэппинг на тему оперы «Кармен» памяти Елены Образцовой.

Лучшие контенты Фестиваля света 2013 – 2014 годов.

26 сентября – 4 октября 19.30 – 23.00

Центральный детский магазин

Театральный пр-д, д. 5/1

Циклический видеомэппинг: «Город света — детям»

26 и 27 сентября, 3 и 4 октября 19.30 – 23.00

Чистые пруды

Чистопрудный бульвар

Световые инсталляции на пруду «В Городе света»

26 сентября – 4 октября 19.00 – 23.00

Патриаршие пруды

Б. Патриарший пер., д. 7/1

Световые инсталляции на пруду

«Мастер и Маргарита»

26 сентября – 4 октября 19.00 – 23.00

Москва-река

Набережная

Видеопроеctionная мультимедийная баржа.

Видеопроеция на внутренние стены набережной «Река света»

27 сентября 19.30 – 23.00

Гребной канал

Крылатское

Мультимедийное световое шоу

«Музыка Города света»

26 и 27 сентября, 3 октября 19.45 – 20.30

и 22.00 – 22.45

4 октября 20.00 – 21.15

Digital October

Красный Октябрь

Образовательная программа: лекции, семинары, ворк-шопы

26 и 27 сентября 12.00 – 18.00

Рассказ о фестивале — стр. 46 – 47

ЖУРНАЛ ДЛЯ ПРОСВЕЩЕННОГО КОНСЕРВАТОРА ОТ НИКИТЫ МИХАЛКОВА

2	Слово издателя Земля и люди	28–31	Родное слово Сердце, тронутое холодком Что привело к трагедии в «Англетере»
3–7	Третий Рим Вера и правда Московской Руси Дмитрий Донской и создание нации	32–34	Служу России Под псевдонимом Рамзай
8–10	Уходящая натура Человеческое — чуждо	35–37	Хранить вечно Не подшиты, стареньки Душа песни — Лидия Русланова
11–13	Русский гений Не ждавший милостей Уроки Ивана Мичурина	38–40	Другие берега Под знаком восьмерки О Франсуазе Саган беседуем с ее сыном Дени Уэстхоффом
14–16	Культурная эволюция Денди в яблоках Иван Бунин, «литератор до мозга костей»	41–43	Ретроспектива Анатолий Громыко: «Успешно решать планетарные проблемы можно лишь сообща»
17–19	Великие реалисты Лавра и космос Константин Юон: от «Коронации Михаила Федоровича...» до «Комсомолок»	44–45	Стоп-кадр Новая сказка про Колобка
20–23	Год литературы Два цвета рифмы Сатира по Черному, символизм по Белому	46–47	На семи холмах Светлый путь Волшебство в память Елены Образцовой и Майи Плисецкой
24–27	Красные и белые Господа генералы Дмитрий Карбышев и Лавр Корнилов: птенцы одного гнезда	48	Трапезная Не наделает вреда вам брусничная вода

Главный редактор Елена Ямпольская, **шеф-редактор** Наталья Семина, **ответственный секретарь** Сергей Громов

Отдел рекламы: +7 (499) 418-0499 доб. 44-32

Отдел распространения: +7 (495) 685-4925, +7 (495) 602-5512

Редакция: +7 (499) 418-0499, +7 (495) 685-0633

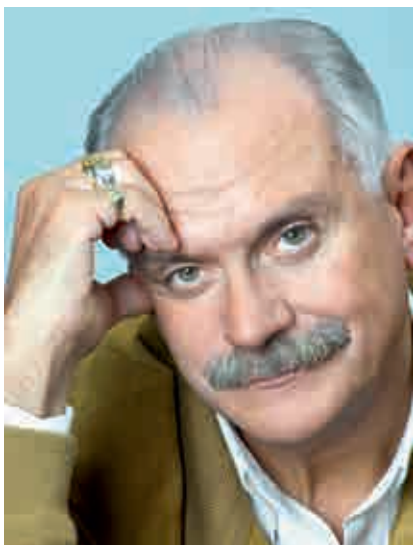
«СВОЙ» журнал Никиты Михалкова. Приложение к газете «Культура». Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) Свидетельство ПИ № ФС77-57665 от 18 апреля 2014 г.

Адрес редакции: 127055, Новослободская ул., 73, стр. 1

Отпечатано в типографии Ab Scanweb Oy, www.scanweb.fi

Тираж 35 000

Подписано в печать 15 сентября 2015 г.

Земля и люди

Мировой кризис основательно взбудоражил и Старый Свет, и Азию, и Россию. В Европе ситуация усугубляется наплывом беженцев, у нас — падением цен на нефть и газ, а также западными санкциями. В подобных случаях люди обычно задаются вечными в своей тривиальности вопросами: «Кто виноват?» и «Что делать?». Не стоит обращаться с ними к либеральным экономистам. Те будут искать причины в чем угодно, только не в заведомой порочности мирового уклада с его махинациями и спекуляциями, надуванием финансовых пузырей. Не скажут вам эти «эксперты» и о том, что миграционные волны, захлестнувшие Европу, — прямое следствие политики ее лидеров, посеявших кровавый хаос в соседних регионах планеты. Вряд ли вы получите внятный ответ и о положении дел в России, ибо главное наше достояние — земля и люди — находится вне зоны внимания либеральной экономики.

Ровно два года назад я снял документально-публицистический фильм «Чужая земля». Его основная идея сформулирована в первых же кадрах: «Что ожидает страну, где своя земля — чужая, ненужная и брошенная?.. Нужно биться вопреки всему за свою землю, чтобы поднять сельское хозяйство, возродить быт и уклад, которые были органичны, близки и так понятны нашим предкам». С одним из главных героев фильма, толковым деревенским парнем Женей, мы проехали сотни километров по угасающим и уже умершим деревням, упорно возвращаясь к одной и той же мысли. Звучала она так: ««Сегодня мы с заграницей дружим, завтра мы с заграницей не дружим. Сегодня заграница нам может помочь приобрести колбасу, мясо, рыбу и так далее, а завтра, если мы с ней поссорились, мы будем, как лоси, есть вот этот самый березняк?..» Эти сцены снимались, заметьте, за несколько месяцев до начала украинского кошмара и почти за год до введения против России западных санкций. Я вовсе не намерен выставлять себя неким провидцем. Просто хочу подчеркнуть: дамоклов меч кризисов как висел, так и будет висеть над страной до тех пор, пока мы не перестанем считать русскую землю чужой, ничейной, не осознаем, наконец, что наше благоденствие зависит только от нас самих. Это понимали практически все герои октябрьского номера журнала «Свой» — от святого князя Дмитрия Донского до великого ученого Ивана Мичурина.

Конечно, осталась в прошлом деревня, запечатленная Иваном Буниным и Константином Юоном; деревня, способная подарить России Сергея Есенина. И тем не менее, землю как первооснову всего — не только агропромышленного сектора, но жизненного уклада, мировоззрения русского человека — необходимо спасать.

Спустя год после показа «Чужой земли» мы сняли продолжение фильма — под названием «Своя земля». Нам хотелось показать, как немногие — пока немногие — наши соотечественники без трескучих фраз, понимая и принимая весь груз разнообразных тягот, не теша себя иллюзиями, берутся облагораживать, обрабатывать запустевшие луга и пашни. Взваливая на свои плечи ответственность не только за себя и близких людей, но за будущее всей России.

A handwritten signature in black ink, appearing to be the name of the author, written in a cursive style.

Вера и правда Московской Руси

665 лет назад, 12 октября, родился будущий князь Московский и великий князь Владимирский Дмитрий Иванович Донской. За свою относительно короткую жизнь он сделал немало для того, чтобы Москва со временем стала единственным центром великой страны и всего православного мира.

**Памятник Дмитрию Донскому
в Коломне.
Скульптор А. Рукавишников**

Третий Рим

Валерий Шамбаров

ТОГДА казалось: мир валится в тартарары. Погибали величайшие государства. Обваливалась Византия. В пламени усовиц, под копытами татарских коней пали Киевская и Владимирская Русь. Да и Золотая Орда, поглотившая их, надламывалась раздорами. В этом мрачном месиве возникло зерно новой державы — Московской. Создавали ее святые.

Младший сын св. Александра Невского, св. Даниил Московский, был рачительным хозяином, взялся благоустроить свое маленькое и бедное княжество. К его же сыну, Ивану Калите, переехал на жительство св. митрополит Петр. Он наставлял: Москва должна стать духовным центром Руси. «И сам прославишься, и сыновья и внуки твои в роды, и град сей славен будет во всех градах русских, и святители поживут в нем, и въздут руки его на плеща враг его, и прославится Бог с ним». Надо угождать не людям, а Господу, и Он вознаградит князей. Чем угождать? Не только

строительством храмов, но и правдой. Справедливостью.

Это принесло свои плоды. Москва и зависимые от нее княжества — Ростовское, Ярославское, Белозерское, Галичское — выглядели относительно благополучным островком на фоне остальных русских земель. Но успехи оказались зыбкими. В 1350-х на нашу страну обрушился новый кошмар — чума. Вымидали целые города, и многие верили: настал конец света. В Москве поветрие унесло великого князя Симеона, его детей, брата, митрополита Феогноста, а простолюдинов никто не считал. Это были первые детские впечатления княжича Дмитрия. Царство смерти, гробы, похоронный плач.

Уцелевшие русские становились более сплоченными. Новое поколение росло упорным, энергичным, трудолюбивым. Иначе можно ли было выжить? Это племя обращалось к вере, было смелее и самоотверженнее. Оно уже видело, как «много» значат земные блага и сама жизнь... Подрастала именно та генерация, которая выйдет на Куликово поле.

А. Кившенко. «Посещение князем Дмитрием Сергием Радонежским перед выступлением в поход на татар». 1880

Чумой бедствия не ограничились. Умер отец княжича, Иван Красный, и Дмитрий в возрасте восьми лет очутился на престоле. А Русь рухнула в дрязги. Подняли головы старые соперники Москвы. Полезла задираться Рязань, закрутили интриги новгородцы. Тверские властители вспомнили, что они тоже имеют право на великое княжение. Великокняжеский престол перехватил суздальский и нижегородский Дмитрий-Фома. Все, чего достигли московские государи, шло прахом.

Окружение маленького Дмитрия возглавил св. митрополит Алексий. Он взял мальчика под опеку, растил из него настоящего правителя. Учил примерно так же, как св. Петр: князь за каждый свой шаг отвечает перед Богом. Обязан защищать и устраивать землю, вверенную ему Господом. Должен поддерживать справедливость, контролировать бояр и чиновников — блюсти правду. Правда и порядок сами по себе очень много значили.

Об этом растекалась молва. В московские владения потянулись люди из других земель, где не было ни крепкой власти, ни защиты. Перебирались из княжеств, завоеванных литовцами. Русское государство прирастало еще не территориями — жителями. Ремесленниками, земледельцами, воинами.

Да и успехи, достигнутые предшественниками Дмитрия, не пропали втуне. Удельные князья помнили, что под властью Москвы жилось куда лучше и надежнее, чем теперь. А в Орде как раз началась «замятня». Претенденты на трон свирепо резали друг друга. Этим и воспользовалось правительство св. Алексия. У очередного скороспелого хана Амурата сумело отспорить ярлык на великое княжение. Дмитрий-Фома не уступал, упрямялся. Что ж, на него двинулось войско. В этом наставники Дмитрия тоже преуспели, рать была отличной, многочисленной. Присоединились удельные князья, они выбрали московский порядок, а не возврат к анархии. Дмитрий-Фома не осмелился сопротивляться, отдал власть. В 1362-м в возрасте 12 лет Дмитрий Иванович был провозглашен великим князем всея Руси.

Правда, соперник не смирился. Пустил в ход взятки, доносы и ханский ярлык все же перекупил. К нему

примкнули те князья, кому не нравилось единение Руси, — Константин Ростовский, Дмитрий Галичский и Иван Стародубский. Москва не позволила раздуть серьезную усобицу. Снова выступили рати, обложили Суздаль, вынудили противников сдаться. А св. Алексий задумал погасить вражду не только военными методами. Дмитрию Ивановичу исполнилось 16 — по тогдашним обычаям считай взрослый. У Дмитрия-Фомы расцвела дочка Евдокия. Чем не пара?

Две половинки Владимирской Руси, западная и восточная, скреплялись семейными узами. Заслали сватов, сыграли свадьбу.

На татарских склоках московское правительство играло все смелее. Формально признавало меняющихся ханов, но дань платить перестало. На «сэкономленные» деньги Дмитрий принялся укреплять собственные владения, и в Москве вместо обветшалых деревянных стен впервые стал строиться каменный Кремль. Это оказалось совсем не лишним. Ведь до мира и согласия на Руси было очень далеко. С суздальцами и нижегородцами замирились, однако активизировался другой враг. Возвышение Москвы не давало покоя тверскому князю Михаилу, а в конфликт тот не постеснялся втянуть Литву — огромную

и могущественную по сравнению с княжеством Дмитрия, охватывавшую нынешние Белоруссию, Украину, Смоленщину, Брянщину. Государь Литвы Ольгерд приходился Михаилу родственником и охотно согласился подсобить в покорении Руси.

Литовские нашествия накатывались на нашу страну трижды. По жестокости и размаху они не уступали самым свирепым татарским набегам. «И поплени людей бесчисленно, и в полон поведе, и скотину всю с собой отогнаша», «и все богатство их взя, и пусто сотвори». Дважды Ольгерд осаждал Москву, и лишь новенькие каменные стены останавливали его.

Дружба и спайка с другими княжествами помогали преодолевать последствия вторжений. Совершенствовалось боевое мастерство. Москвичи и их союзники приспособились умело маневрировать, окружали врагов. Из второго похода Ольгерду пришлось бесславно отступить. Из третьего он едва унес ноги. Это подни-

Портрет из «Царского титулярника», 1670-е

ДМИТРИЙ КНЯЗЬ

ДМИТРИЙ
ЮАННОВИЧЪ

**Вислая печать
Дмитрия Донского**

мало авторитет Дмитрия Ивановича. Он выступал защитником уже не только Москвы, но всей Руси. И та признавала в нем общего предводителя.

В 1375 году тверской Михаил снова затеял склоку, позвал литовцев, да еще и у Мамаю выпросил ярлык на великое княжение. Однако по призыву Дмитрия на Тверь выступили нижегородцы, суздальцы, ярославцы, белозерцы, ростовцы, моложцы, стародубцы. Сошли нужным примкнуть и властители, не входившие в великое княжество Владимирское, но понявшие, что надо держаться вместе с Москвой, Семен Оболенский,

Роман Новосильский, Иван Тарусский. Никогда еще с домонгольских времен не собиралось такой армии. Враз она прижала смутьяна.

Русь в свое время погибла от разделения, сейчас под рукой московского государя восстанавливалось ее единство. И сам Дмитрий не обманывал возложенных на него надежд. Энергично укреплял границы. Возводились крепости, налаживалась система оповещения. Каждое лето на рубеж Оки стали выходить войска, прикрывая страну от татарских набегов. Хотя границу защищали не только крепостями и заставами. Великий князь обращался к св. Сергию Радонежскому. Преподобный старец приходил в порубежные города, приводил учеников, основывал монастыри в Серпухове, Голутвине. Новые обитатели появились и под Нижним Новгородом. Стены и башни твердынь дополнялись маковками храмов. Это было одно целое, как богатырское кольчужное ожерелье и крест на шее. Ратник защищал святыни, а святыни поддерживали его. Что он значил без Божьей милости?

Сергий Радонежский пользовался высочайшим почтением. Все уже верили: он святой. Живет среди людей, но связан с Небесным миром. Владыка мирил враждовавших князей, благословлял начинания государя, давал ему советы. Дмитрий, в свою очередь, поддерживал служение Троицкого игумена. Их общими усилиями появлялись новые монастыри в Стромыни, Киржаче, под Ростовом...

Св. Сергия не напрасно называли «игуменом земли Русской». Такого чина не значилось в церковном уставе, он родился в народе. Сколько дорог измерил, сколько святых воспитал для Церкви этот игумен! Его ученики устроили более сорока монастырей. Русь покрывалась ими, как зримым знаком благодати Божьей. Последователи преподобного уходили и в дальние, еще не освоенные леса. Св. Кирилл срубил келью на берегу Белого озера, св. Ферапонт — на Сухоне, св. Дмитрий Прилуцкий — под Вологодой, св. Стефан пошел просвещать пермяков. Так началось совершенно необычное, уникальное освоение Русского Севера — не армиями, не купеческими колониями, а монастырями.

В Литве грянули гонения на православных, и великий князь помог единоверцам, зимой 1378–1379 годов послал рать двоюродного брата Владимира Андреевича и Дмитрия Боброка-Вольнского. За один поход под покровительство Москвы перешли Стародубское, Трубчевское, Брянское, Новгород-Северское, Черниговское, Елецкое, Новосильское, Оболенское, Одоевское княжества.

Сплочение и духовная сила Московской Руси в полной мере сказались на Куликовом поле. Воины великого князя сумели разгромить несметные вражеские полчища. Победа оказалась настолько впечатляющей, что даже литовский государь Ягайло поджал хвост, выражая готовность подчиниться Москве. Дмитрий Дон-

ской решил закрепить братство, сложившееся на поле битвы. 1 ноября 1380-го он созвал съезд всех князей. Чувства были свежими, и никому не требовалось доказывать: пока русские вместе, они способны противостоять кому угодно. Князья дружно поддержали идею Дмитрия, «велию любовь учиниша меж собою».

Ему удавалось не все. Слишком сильна была инерция прошлого, всюду колобродили эгоизм и гордыня. Свои же, нижегородские, родственники завидовали успехам Дмитрия. Стряпали доносы в Орду. В 1382 году случилось нашествие Тохтамыша — совместно с теми же родственниками. Сгорела Москва, похоронили 24 000 перерезанных жителей. В общем, на взлете русским перебили крылья. Опять пришлось смиряться, покоряться, платить хану дань. Тут как тут проявились все враги единения. Ополчился Олег Рязанский. В который раз всколыхнулись амбиции тверского Михаила. А новгородские «золотые пояса» вообще обнагтели, вели переговоры о том, как бы передаться Литве.

И все-таки возврата к прошлому не произошло. В Рязань отправился св. Сергей. Ничем не прошибить было упрямого князя Олега — ни войнами, ни указанием на страшные ошибки. Но «кроткие словесы» преподобного чудесным образом проняли его. Олег «умилися душею», устыдился святого мужа. Согласился заключить с Дмитрием Ивановичем «вечный мир и любовь в род и род». Посватал за своего сына дочку московского государя. А удельные князья не забыли, насколько важно

и выгодно быть вместе. В 1386-м на строптивый Новгород выставили полки 26 городов. Московский князь не стал доводить дело до сражения — самостийники трусили. Шутка ли, на них шла вся Русь! Предпочли просить прощения, откупаться данью.

Короткая земная жизнь св. Дмитрия Донского подходила к концу. Он полностью отдавал себя служению Отечеству. И сгорел в 38 лет. Весной 1389 года расхворался, 19 мая преставился. Хоронили в Архангельском соборе, и голоса певчих заглушались народными рыданиями. Плакала толпа, запрудившая площади, плакали бояре, священники. Свои сокровенные замыслы он реализовать не успел. Еще не удалось сбросить со страны и народа ордынскую дань. Хотя в завещание государь уже включил красноречивый пункт: «А переменил Бог Орду, дети мои не имут давати выхода в Орду...» Он мечтал об этом, вел к этому Русь.

Его владения выросли незначительно: князь Мещеры Александр Укович, старый соратник Донского, передал ему свое лесное княжество. И тем не менее за время правления Дмитрия Ивановича государство стало неизмеримо сильнее. Налилось энергией. Прежний рыхлый костяк Руси срастался вокруг Москвы. А сын Василий уже смог присоединить целые области — Нижний Новгород, Суздаль, Муром, Тарусу... Сливались воедино без войн и громких побед — при полной поддержке местных жителей. Зрели плоды того, что было подготовлено св. Дмитрием Донским.

А. Васнецов. «Московский Кремль при Дмитрии Донском». 1922

Уходящая натура

В. Суриков. «Вечер в Петербурге». 1871

Человеческое — чуждо

Михаил Бударгин

Один из самых известных русских критиков XIX века Дмитрий Иванович Писарев, со дня рождения которого 14 октября исполнится 175 лет, мог бы, вероятно, совершить стандартное путешествие из радикалов в консерваторы, закончить жизнь умудренным осторожным старцем, оставить после себя три тома нравоучений. Однако умер очень рано, так и не сойдя со своих баррикад.

ОНИ, баррикады, оказались фиктивными, нарисованными: ткни — и все развалится. Советская власть, благоволившая «борцам с царизмом», тащила вверх Писарева из последних сил. Но как только СССР не стало, Дмитрий Иванович превратился в слегка чудаковатого персонажа, вписанного в школьные учебники очень мелким шрифтом. На фоне Достоевского, Тургенева и Толстого потерялся безвозвратно.

Писарев прожил 28 лет, семь из которых был ведущим, самым полемичным, самым язвительным и жестким русским критиком, властителем дум, ниспровергателем основ (сбрасывать Пушкина с корабля современности придумал именно он, а вовсе не Маяковский, как принято считать). Биография поразительная, многим в пример: ничего личного, ни малей-

ФОТО: РИА НОВОСТИ

шего барства (хоть и родился в дворянской семье), никаких сплетен, кривотолков, слухов, тусовок. Работа, тюрьма, работа... Каждый день, без остановки, будто заведенный.

В 28 лет он влюбляется в свою троюродную сестру Марко Вовчок — она писательница, довольно заурядная, не красавица, но женщина сильная, интересная и трудолюбивая, — едет с ней и ее сыном на воды и... тонет.

Кажется, впервые в его образе промелькнуло нечто, не вписывающееся в канонический облик, и судьба распорядилась не вносить в этот портрет лишней сумятицы. Писарев ушел, чтобы не обзавестись вдруг семьей, выездами, долгами и детьми. Не велено, не положено.

Сбиваться с ритма было нельзя, а не сбиваться — никому до тех пор не удавалось. Все революционеры XIX века умудрялись обрастать брюшком, остепеняться. Писарев просто не успел, а коли успел бы — на кого потом равнялся бы Ленин, первый человек, сумевший поставить все человеческое на службу мировой революции, сделавшийся ее нерассуждающим и беспощадным оружием?

Этот писаревский образ стал, по сути, первой пробой пера, черновиком большой трагедии, для которой еще не построили подмостки и не закупили реквизит. Чужой среди чужих, герой, которого судьба забросила на какую-то диковинную планету, где все инструк-

ции оказались не работающими. Все идет не так, как нужно, ты ничего не в силах изменить, и каждый твой текст бьет не туда, задевает не тех и лишь умножает общую неразбериху.

Классический пример «попаданца», «прогрессора», с него бы Стругацким писать своего юного Максима Каммерера, счастливое дитя «полуденного XXII века». Ведь тот Максим — чистый радикал, у него по любому поводу есть готовое суждение, и если он чего-то не понимает, то либо скоро поймет, либо просто не заметит как несущественное.

Так у Салтыкова-Щедрина Дмитрия Ивановича раздражают «цветы невинного юмора»: слишком уж смешно, злится Писарев: почто, мол, отвлекаете нас. Правда же в том, что смешное — это и есть главная ценность Щедрина, лучшее из того, что в нем вообще было. Борьба за счастье народное после разочарования 1860-ми перестала считаться для писателя сколь бы то ни было важным делом. Мир абсурден — вот ключевое щедринское открытие. Все шиворот-навыворот, и градоначальник улетает, пока его не съели. Писарев смотрит на все это и ничего не понимает. Вообще.

Он вглядывается в Катерину Островского и, не понимая, как вообще устроены отношения между мужчиной и женщиной, видит в ней «луч света в темном царстве», хотя и царство не такое уж темное, и луч какой-то нарочито, истерически мечущийся. К тому же срочно восхотевший «ребеночка», чтобы его нянчить.

Здесь — хорошие, тут — плохие, а посередине стоит Писарев и раздает всем сестрам по серьгам. И он по-своему прав, Дмитрий Иванович, в этом вся трагедия. Прав как «прогрессор», который просто не понимает, что для чего-то еще сто лет исторического развития необходимы, а для чего-то — все двести. У него в голове все устроено, уложено, расписано, только жизнь злодейски не хочет вписываться в эти правильные рамки. И ее туда не втиснуть, не втащить.

Проблема чуждости, чужеродности Писарева консерваторам предельна понятна: перед нами человек, для которого вообще нет ничего святого, кроме какой-то крайне абстрактной идеи. И вся русская жизнь, неказистая и родная, вызывает у него то недоумение, то омерзение. «А бог у него — урод», — будет сказано много позже о Максиме Горьком, но первый такой «урод» предстал именно перед Писаревым.

Вот что диктует нашему герою его призвание: «Прикосновения критики боится только то, что гнило... Каждое поколение разрушает мирозерцание предыдущего поколения... стремление к истине, поступательное движение всегда лучше обладания ею уже потому, что последнее есть самообольщение, а первое — действительный факт... что можно разбить, то и нужно разбивать; что выдержит удар, то годится, что разлетится вдребезги, то хлам; во всяком случае, бей направо и налево, от этого вреда не будет и не может быть».

УХОДЯЩАЯ НАТУРА

Даже обсуждать эту тираду всерьез довольно проблематично. Все здесь — одно сплошное юношеское завиральство, хвастовство удалой молодецкой силой. Однако речь идет не о силе ради силы. Писарев предельно религиозен, он служит какую-то свою, очень особенную мессу и тем отличается от тогдашних революционеров, постоянно надевавшихся на ту или иную форму диалога с властью. Последний как раз и был главным содержанием 60-х годов позапрошлого века, когда крестьянская реформа создала прежде всего пространство для дискуссии о путях развития России.

Писарева это мало волновало. Именно потому он так беспощаден к литературе, которая слишком хорошо объясняет, что «всюду жизнь». Пушкин в «Капитанской дочке» пишет императрицу, которая спасает главного героя, Гоголь в «Мертвых душах» верит в то, что у Чичикова что-то может получиться. Тургенев в «Отцах и детях», напротив, убивает ни-

ФОТО: РИА НОВОСТИ

листа Базарова... Оставить бы из всего этого великолепия одного Рахметова, но тогда и литература не нужна: довольно будет агитационных плакатов вроде «Окон РОСТА». «Молчите, музы!» — кричит Писарев, но в спину ему дышат Лев Толстой, Федор Достоевский,

Николай Лесков, свою «энциклопедию русской жизни» начинает Некрасов.

Русская литература — это когда даже в страшном зимнем революционном Петрограде «в белом венчике из роз впереди Иисус Христос». Русская литература — это когда хоть какая-то надежда на то, что человеческое победит нечеловеческое, есть. Писареву человеческое не очень по душе.

Он не хищник, он — чужой. Но слишком слабо маскируется (все нитки торчат), чересчур хорошо видно, с кем мы имеем дело. И главный урок, как ни странно, состоит в том, что Дмитрия Ивановича следует искренне благодарить. Он — не болезнь, а боль, доброкачественная опухоль, по строению которой можно выучить, что такое опухоль вообще. Дабы определить, какой будет опухоль злокачественная. Он — предвестник, и сквозь его мягкие черты лица уже проступает ленинская фанатичность. Вот ради чего стоит пристально всматриваться в нашего первого чужого.

И. Репин. «Арест пропагандиста». 1880 – 1892

Не ждавший милостей

Ивана Мичурина, родившегося 160 лет назад (27 октября по н. ст.), никак не отнесешь к непризнанным гениям, к личностям, которых общенародная слава обошла стороной. Это имя давным-давно стало по-хорошему нарицательным, присвоено населенным пунктам, улицам, учебным заведениям, предприятиям. Сегодня, когда Россия столкнулась с новыми вызовами в виде западных санкций и должна опираться на собственные силы, пример жизни и деятельности этого выдающегося исследователя и великого патриота особенно актуален. Новые Мичурины нам нужны позарез.

Русский гений

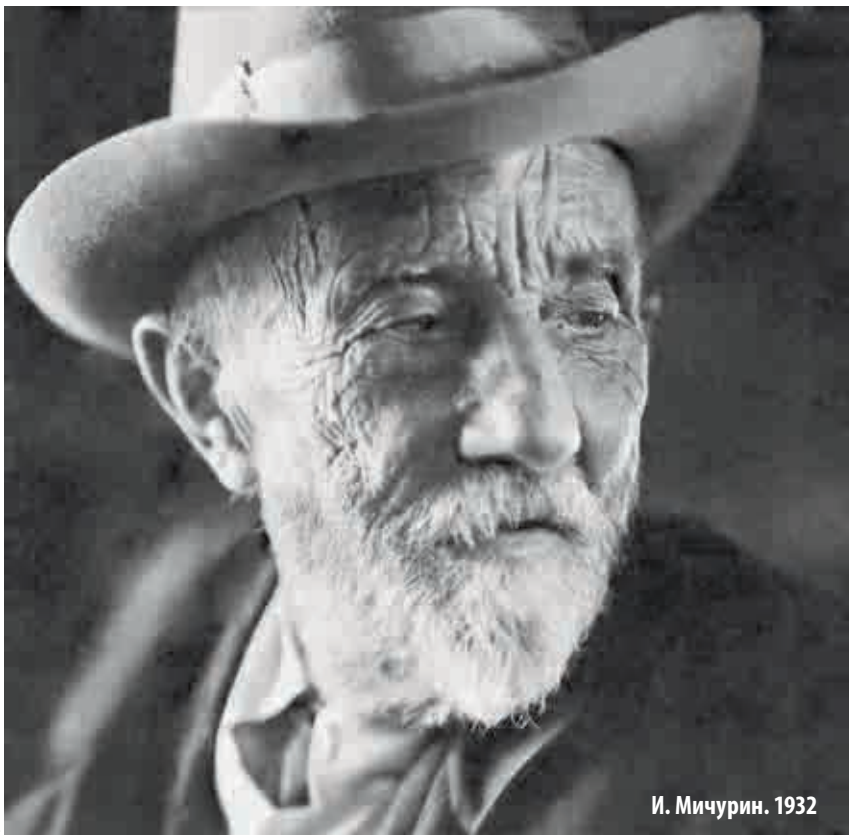

ФОТО: ИТАР-ТАСС

И. Мичурин. 1932

Сергей Александров

СВОЕ 60-летие, возраст, который наши современники привычно ассоциируют с гарантированным (во всяком случае, пока) выходом на пенсию, Иван Владимирович встретил в такой жизненной ситуации, какой не пожелаешь и врагу. Несколько месяцев ранее, летом 1915-го, умерла от холеры его жена Александра Васильевна, самый дорогой и близкий ему человек, верный помощник во всех делах. С ней он прожил в любви и согласии сорок с лишком лет. Страшная беда, как водится, пришла в тот год не одна. Речка Лесной Воронеж, на берегу которой находился мичуринский питомник, по весне обильно разлилась и полностью его затопила. Затем внезапно ударил мороз, погу-

бив, как сообщают биографические источники, «всю школу двухлеток» и «многие ценные гибриды» — результаты тяжелого многолетнего труда.

Как все эти невзгоды и катастрофы перенес гениальный самоучка? В соответствии с популярной ныне формулой: «Все, что нас не убивает, делает нас сильнее». В прежнюю эпоху даже существовал на сей счет характерный пропагандистский штамп. Утверждалось, что за оставшиеся два десятилетия, которые в основном приходится на жизнь при советской власти, Мичурину удалось значительно больше, нежели при «проклятом царизме».

Некоторая правда в этом, пожалуй, есть. Находившаяся «в кольце врагов» молодая советская республика, стремясь во что бы то ни стало уцелеть, была вынуждена поставить экономику на тотально

мобилизационные рельсы. А следовательно, привлечь на свою сторону тех сравнительно немногих ученых, исследователей, спецов, которые не покинули страну в период революционных потрясений и Гражданской войны. Неудивительно, что селекционеру-уникуму большевики создали особые условия для работы.

В годы, предшествующие Октябрю, его имя уже было хорошо известно специалистам-растениеводам, причем не только российским. Оригинальные во всех смыслах статьи Ивана Владимировича регулярно публиковались в журнале «Прогрессивное садоводство и огородничество». К тому же, и это самое главное, наконец-то стали замечательно плодоносить ценные мичуринские гибриды. Понемногу начала внедряться в умы соотечественников такая, казалось бы, очевидная мысль: «Нахожу необходимым предостеречь русских садоводов от традиционного увлечения всем иностранным, в том числе и различными теориями выведения новых сортов плодовых растений на Западе Европы или в Америке. Как бы ни были остроумны эти теории, как бы талантливы ни были деятели садоводства этих стран, но не они могут помочь нам в нашем деле; не в результатах их трудов центр тяжести нашего успеха, потому что в деле выведения новых сортов растений, более чем во всяком другом, нельзя применять способы, выработанные при совершенно различных, в сравнении с нашими, условиях климата. Нам необходимо пробудить к усиленной деятельности собственные силы, нам нужно присмотреться хорошенько к климатическим и другим условиям наших местностей... И только тогда для всякого русского деятеля станет вполне очевидным, что почти все иностранное в этом деле совер-

шенно неприменимо для нас». Эти слова Мичурина были опубликованы в 1911 году, но насколько злободневны они по сей день, не правда ли? Нет, мы не пытаемся тщетно выращивать саженцы несовместимых с нашей природой культур, как это делали в начале XX века завезенные в Россию «экспаты». Однако «традиционное увлечение всем иностранным» у нас по-прежнему первый национальный бич.

«Немцы, владельцы большей части наших промышленных питомников, при своем комичном самомнении, усердно стараются разводить лишь те сорта растений, которые одобрены в их излюбленном «фатерланде», нисколько не заботясь о том, подходят ли эти сорта к климатическим условиям русских местностей или нет. Да, в сущности, таким заранее предубежденным против всего русского, кроме денег, субъектам и глупо было бы доверять новые сорта растений, уже по одному тому, что последние никогда не получают от немца, владельца питомника, правдивой и беспристрастной оценки своих достоинств», — сетовал Мичурин на засилье иностранных специалистов в э к с п е

сфере отечественного р и м е н т а л ь н о г о с а д о в о д с т в а . Н а с к о л ь к о б ы л и с п р а в е д л и в ы э т и у п р е к и ? У всякой медали есть оборотная сторона. Трудно отрицать пользу, принесенную иностранцами России в разные эпохи ее становления. В каких-то отраслях они — с их п е д а н т и з м о м , р а ч и т е л ь н о с т ь ю , л ю б о в ь ю к п о р я д к у и п р о ч и м и к а ч е с т в а м и т и п и ч н о з а п а д н о г о ч е л о в е к а — в ы и г р ы в а л и и п о н ы н е в ы и г р ы в а ю т в к о н к у р е н т н о й б о р ь б е . О д н а к о н е м а л о н а й д е т с я и т а к и х о б л а с т е й , г д е п л о д ы п р и р о д н о г о р у с с к о г о у м а , п о м н о ж е н н о г о н а з н а н и е м е с т н ы х у с л о в и й и т р а д и ц и й , о к а з ы в а ю т с я г o r a z d o п о л е з н е е ч у ж е р о д н ы х н о у - х а у и и х н о с и т е л е й .

Взаимоотношения Мичурина с иностранцами складывались, мягко говоря, непросто. К примеру, 4 июня 1913 года он жаловался в письме редактору журнала «Садовод и огородник» Сергею Краинскому: «Приезжают за несколько тысяч верст и увозят из-под носа русских лучшие новые сорта растений для пополнения своих ассортиментов, а наши дюндюки умеют лишь разевать рот».

Речь шла об американцах, а точнее, о чересчур пре-приимчивом ботанике, профессоре Мейере, которому

удалось — при попустительстве российских чиновников — вывезти в США коллекцию мичуринских плодовых деревьев. Их сорта впоследствии распространились за рубежом под другими, американскими названиями.

Если же наш ученый обращался к заокеанским коллегам с просьбой об ответных услугах, то сталкивался, как правило, с черной неблагодарностью. Его биограф писатель Андрей Бахарев описывал эту ситуацию так: «Политических и географических барьеров не существовало только тогда, когда американцы тащили к себе новые сорта Мичурина и всякого рода открытия и достижения русской научной мысли. Мичурин же не мог в течение 10 лет получить из США плодов южнодакотского каштана (*Castnea dentata* L.). Ему неизменно присылали гнилые плоды. Не мог получить Мичурин и саженцев западновиргинской яблони «Золотое превосходное»; вместо нее американцы прислали дикую и к тому же незимостойкую яблоню «Гримес голден».

Впрочем, наш исследователь мог и сам запросто приобрести гражданство Соединенных Штатов, однако подобные предложения всерьез никогда не рассматривал, оставаясь верным и любимому делу, и Отечеству, как бы оно в тот или иной исторический период ни называлось.

Иван Владимирович умер 7 июня 1935 года в городе, который еще при жизни называли его именем. Примечательно, что борьба двух знаменитых лагерей под предводительством его коллег-биологов Николая Вавилова и Трофима Лысенко развернулась почти сразу же после смерти Мичурина. т и в о с т о я н и е , п р и в с е х е г о

Данное про-издержках, — прекрасная иллюстрация того, как наши исследователи не просто генерировали эффективные научные технологии, но и самоотверженно сражались за них. С тех пор минуло много лет. Россия, похоже, вновь испытывает дефицит как в продуктивных теориях-практиках, так и в их талантливых разработчиках.

Кстати, о биографической работе Бахарева. Та издавалась в 1936-м и (с дополнениями) в 1949 годах. Видимо, поэтому удивляет невероятным по частоте использованием слов «русский» и «патриотический». Ведь это были времена национальной — политической, экономической, культурной — мобилизации. Оперы на собственные силы.

Денди в яблоках

Дарья Ефремова

22 (10) октября исполняется 145 лет со дня рождения Ивана Бунина, «классика рубежа двух веков», русского писателя, нетерпимого к показному *style russe*. Колорист, импрессионист, стилист, а, по выражению Зинаиды Гиппиус, еще и «описатель». Вот этого словечка, матушка, я вам до самой смерти не прощу, ворчал он при встрече.

ЕМУ льстило сравнение с Гёте больше, «чем всякие наивные сопоставления с другими великими предшественниками». Он мечтал подчистить от повторов и шероховатостей романы Толстого. А когда речь заходила о Достоевском, махал руками: «Тайновидец духа?.. Вот и весь ваш Достоевский!» С восхищением отзывался о чеховских повестях и рассказах и с раздражением — о его пьесах, лиризм которых находил нестерпимо слащавым. «Мы отдохнем, мы увидим небо в алмазах...» — повторял, подражая манерности плохих актрис.

Винил, конечно, Ольгу Книппер-Чехову. Как и многие друзья Антона Павловича, Бунин ее недолюбливал.

«Бунин был до мозга костей литератором и мало-помалу оживлялся, когда представлялся случай о литературе поговорить», — вспоминал Георгий Адамович. «В тот день был особенно слаб. Глаз не открывал, головы с подушки не поднимал, говорил хрипло, отрывисто, с долгими передышками. Тут он, однако, тяжело приподнялся, оперся на локоть и хмуро, почти сердито взглянул на меня: «Помню ли я (главу о встрече Анны с Вронским ночью на станции. — «Свой»)? Да что вы в самом деле? За кого вы меня принимаете? Кто же может это забыть? Я умирать буду и то на смертном одре повторю вам всю главу чуть ли не слово в слово...»

Сказать, что о Бунине когда-либо забывали, было бы неправдой. Прозу и стихи, хоть и с купюрами, в советские годы издавали многомиллионными тиражами. И любили его миллионы. В новой России Ивану Алексеевичу оказали и вовсе генеральские почести: установили памятник на Поварской, модернизировали музей, имя «антисоветчика» и «белоэмигранта» включили в число пятидесяти величайших россиян — в одном ряду с Дмитрием Донским, Александром Невским, Александром Суворовым и Георгием Жуковым.

И все же Бунин, давно укоренившийся в школьных хрестоматиях, остался в сознании многих каким-то не своим, «эстетским». «Слишком дворянин, слишком барин, слишком щеголевато одет, слишком холодно сдержан, слишком горделиво поднят у него подбородок, слишком властный взгляд для поэта». К составлению такого мнения о себе приложил руку и сам писатель, но больше постарался его лирический герой.

«Посмотрел на себя в зеркало: молод, бодр, сухо-породист, глаза блестят, иней на красивых усах, хорошо и легко одет... в Ницце теперь чудесно...» А потом еще в кафе «Соурале» начали с устриц и анжу, заказали куропаток и красного бордо. И охмелели только за кофе с желтым шартрезом.

Его бы записали в декаденты или какие-нибудь «меланхолические лирики-певцы дворянских усадеб», если бы роскошествующая парочка не продолжила свой вечер в тесной эмигрантской квартирке. В стоящем посреди одинокого переулочка доме, возле которого «в металлическом свете газового фонаря, сыплется дождь на жестяной чан с отбросами». А еще через пару абзацев оглушенная горем вдова будет наблюдать весенние облака, проплывающие «в мягком парижском небе».

Сияние и тьма. Любовь и смерть. «Райская чувственность», делающая поистине великим подчинение. Тщетность земных страстей.

Критики неспроста говорили об эсхатологической силе бунинского таланта — «эротоманский» сборник «Темные аллеи» не повествует о любви, он переплавляет человека с его беспокойным, ранимым «я» в сверхиндивидуальный архетип влюбленного. Этакий вихрь любовников, проносющийся перед ненавистным «сухоликим Данте в бабьем шлыке и лавровом венке».

«Темные аллеи» были написаны в 30–40-е — в эмиграции. Жившим в нищете и уже немолодым человеком. И вдруг — худенькая художница Руся, носившая желтый ситцевый сарафан и крестьянские чуньки на босу ногу, очаровательная страстная полька Галя Ганская, заплаканная горничная Таня, «миловидное личико, серые крестьянские глаза», щеголеватая в черно-маслянистой каракулевой шубке цыганка Ли — «плоские дегтярные волосы, бессмысленные синеватые белки, лошадиные ключицы в каком-то желтом крупном ожерелье», «очень высокая, в сером платье, с греческой прической рыже-лимонных волос, с тонкими, как у англичанки, чертами лица, с живыми янтарно-коричневыми глазами» журналистка и переводчица Елена Генриховна, застреленная ревнивым любовником. Оттенной ведьмой носившиеся крупные оранжевые искры за окном поезда, белые снежные скаты и черные чащи соснового леса, венский вокзал, запах газа, кофе

И. Бунин (в центре) на заседании литературного кружка «Среда». 1902

ФОТО: РИА НОВОСТИ

и пива, облезло-розовый итальянский городок и петушиные перья на касках коротконогих вокзальных солдатиков. Мальчишка лениво катит тележку, на которой только апельсины и фиаски.

Критики отмечали мощный язык Бунина, его искусство переносить принципы живописи в литературу, лаконизм, четкость и тонкость письма, свободу, господствующую над материей.

«Бунин завоевал себе место во всемирной литературе», — писали в начале 20-х английские журналы. Его прозу приравнивали к произведениям Толстого и Достоевского, говоря при этом, что он обновил русское искусство и по форме, и по содержанию.

«Божественное великолепие мира», по его же собственному признанию, писатель ощутил в сельской глуши. Когда в середине 1870-х родители переехали на хутор Бутырки, в Елецкий уезд Орловской губернии. Подражая подпаску, Ваня и его сестра Маша ели черный хлеб, редьку, «шершавые и бугристые огурчики» и за этой трапезой, «сами того не сознавая, приобщались самой земли, всего того чувственного, вещественного, из чего создан мир».

Жесткая, беспощадная повесть «Деревня», принесшая писателю

Талант и выверенный профессионализм в противовес изживающему себя постмодерну с его нигилизмом, вездесущей иронией и прочей деструкцией

славу, выйдет только в 1910-м. Резкая рисовка русской души, ее светлых и темных сторон, часто трагические основы.

«Так глубоко, так исторически деревню еще никто не брал», — оценил Максим Горький. Бунин, впрочем, признавался, что радищевская правда мужицкого царства навеяна злобой дня.

Но была у него и другая деревня — с запахом меда и антоновских яблок, теплыми дождиками, выпадавшими на Лаврентия, как будто нарочно для сева, с сытым квохтаньем дроздов на коралловых рябинах в чаще сада, голосами да гулким стуком сыпаемых в меры и кадушки яблок. В саду был шалаш, а рядом вырытая земляная печка, на которой в полдень варился великолепный кулеш с са-

лом, вечером грелся самовар, а между деревьями расстилаясь длинной полосой голубоватый дым. В праздничные дни у шалаша собиралась целая ярмарка. Толпились бойкие девки-однодворки в сарафанах, сильно пахнувших краской, приходили «барские» в своих красивых и грубых, дикарских костюмах и молодая старостиха, беременная, с широким сонным лицом, важная, как холмогорская корова.

Его, конечно, никогда не оставляли вниманием. Но в последнее время вспомнили как-то особенно, позвали на баррикады: скудеет речь, утверждается примитив, письменное слово все больше ориентируется на толпу и улицу. Как пишет литературовед Игорь Ильинский, «надбытовое, надземное, таинственное, непостижимое и воистину прекрасное — любовь, красота, страсть находится под подозрением». Другое упование на Ивана Алексеевича — в явлении новой (вернее, хорошо забытой старой) эстетической парадигмы. Талант и выверенный профессионализм в противовес изживающему себя постмодерну с его релятивизмом, нигилизмом, вездесущей иронией и прочей деструкцией. Пронзительная искренность чувств, точность эмоции — в пику напускному умничанью сетевых гуру.

Возможно, Бунин был бы рад такой миссии. Консерватор, барин и сноб, он чурался неологизмов, бежал от современных ему течений — модернизма и футуризма, считая все это отвратительным варварством. А вот учить не любил и о писательской кухне не рассуждал. «Никто не верит, что я почти всегда все выдумываю — все, все, — настаивал писатель, — как-то проснулся в Париже... выпил кофе, сел за стол — и вдруг ни с того ни с сего стал писать, сам не зная, что будет дальше». А язык... «Какой такой особый язык? Пишу русским языком, язык, конечно, хороший, но я-то тут при чем?»

Лавра И КОСМОС

140 лет назад, 24 октября 1875 года, родился Константин Юон. Невероятно успешный при жизни художник, получивший множество наград (среди которых Сталинская премия), он сегодня известен куда меньше своих современников — Бориса Григорьева, Михаила Ларионова, Кузьмы Петрова-Водкина. А ведь юоновская живопись — будь то виды старой доброй патриархальной Москвы или, напротив, футуристические сцены оптимистической апокалиптики 1920-х — образцово русская по духу.

Великие реалисты

«ТРОЙКА В УГЛИЧЕ», 1913

Ксения Воротынцева

БУДУЩИЙ художник появился на свет в русско-швейцарской семье. Отец, Федор (Теодор Фридрих) Юон, работал в страховой компании. Мать, Эмилия Алексеевна, увлекалась музицированием. Старший брат Павел учился в консерватории и стал впоследствии известным композитором. Художественные способности юного Кости проявились рано, и развиваться им не мешали. Более того, в 1892 году его отдали в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Позже были занятия в мастерской Валентина Серова, где, возможно, и начал складываться творческий метод Константина Федоровича: на стыке импрессионизма и жанровых картин передвижников.

В 1900-м молодой художник сам стал педагогом, открыл частную школу «Студия Юона», просуществовавшую до революции. Интересно, что из ее стен вышел мастер новой формации — скульптор Вера Мухина, а также идеологи конструктивизма братья Леонид, Виктор и Александр Веснины.

Родившийся в Лефортово, он очень любил родной город (не захотел уезжать из столицы даже в годы войны). Много писал дореволюционную Москву — с

натуры и по памяти. Например, на одной из его работ можно увидеть совершенно неизвестную ныне Лубянскую площадь. Самая известная картина из этой серии — «Кормление голубей на Красной площади в 1890–1900 годах» (1946): веселая крестьянская толпа изображена в этаким брейгелевском духе, но без мрачности, присущей нидерландскому гению. Сравнение с великим голландцем не случайно. Вот, скажем, «Волшебница-зима. Лигачево. Московская губерния» (1912): скользящие по белоснежным просторам лыжники почти теряются на фоне величественной природы и явно провоцируют ассоциации с «Охотниками на снегу» Брейгеля. Тот же тщательно выписанный реалистический пейзаж и при этом — абсолютная вневременность происходящего.

Русская природа была главной любовью Юона. Он обожал Волгу, часто бывал в Нижнем Новгороде. Дореволюционная Россия, запечатленная Константином Федоровичем — к примеру, нежный утренний городок («Утро в Угличе», 1913) или его обрат из Тверской губернии, просыпающийся от зимы («В провинции. Город Торжок», 1914), — словно фотографии Сергея Прокудина-Горского. Художник работал чрезвычайно ярко, подчеркнуто декоративно. Как и его современник Борис Кустодиев. На их, по сути, общую манеру повлияло произошедшее в на-

«АВТОПОРТРЕТ», 1953

«ДЕРЕВНЯ НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ», 1912

чале XX века открытие иконописи. Благодаря новой реставрационной технике были расчищены иконы, которые предстали во всем своем великолепии, поразив публику насыщенными, чистыми цветами. Многие всерьез заинтересовались историей Руси, принялись изображать архитектуру, костюмы, обычаи XVII века.

Такие полотна есть и у Юона, весьма высоко ценившего творчество мастера исторической живопи-

си Василия Сурикова. По случаю 300-летия династии Романовых написана «Коронация Михаила Федоровича в 1613 году. Соборная площадь, Московский Кремль» (1913): озаренные свечами храмы, вечернее небо, тщательно переданный дух старины.

Кроме того, Юон увлекался отечественной архитектурой. Его привлекал строгий облик церквей. Он много писал Троице-Сергиеву лавру. Ей посвящена, пожалуй, самая известная его картина «Купола и лавочки. Успенский собор Троице-Сергиевой лавры» (1921). С одной стороны, здесь приковывает внимание необычный ракурс. С другой — год создания: даже после революции Юон не изменил любимым темам.

Появились и новые сюжеты. В том числе космогонические, навеянные бурными переменами в стране. «Новая планета» (1921), созданная в разгар Гражданской войны, рассказывает о внезапном, страшно-грандиозном явлении небесного тела, сопровождаемом людской паникой. Композиционно напоминает знаменитое полотно Брюллова «Последний день Помпеи», однако более оптимистична, наполнена предчувствием лучшего будущего.

Сменой эпох вдохновлена и «Симфония действия» (1922). Художник изобразил ураган, который сметает все на своем пути: огромные здания превращаются в обломки, в образовавшиеся трещины падают люди... А на заднем плане величественно возвышаются скалы, словно напоминая зрителям: все проходит, и это пройдет.

Оптимист в Юоне все же доминирует и побеждает. Он пишет Ленина, точнее, его первое появление на заседании Петросовета в Смольном (1927), революционные дни Москвы, демонстрации, а позже — военные парады на Красной площади. На портретах все чаще появляются новые лица советских людей («Комсомолки», «Подмосковная молодежь», 1926).

Он был счастлив в браке. Женившись против воли отца на простой крестьянской девушке Клавдии Никитиной, прожил с ней больше полувека. Семейную идиллию омрачила лишь ранняя смерть сына Бориса, в память о котором остался трогательный детский портрет (1912). До революции Юон сотрудничал с Сергеем Дягилевым, оформлял оперные постановки в рамках «Русских сезонов». После 1917-го продолжил работу в театральной среде. В 1920-м был удостоен первой премии за проект занавеса для Большого театра, а в 1943 году стал главным художником Малого театра.

Умер в 1958-м, оставшись в памяти потомков академиком, теоретиком искусства, успешным педагогом. И, конечно, живописцем с диковинной фамилией, всю жизнь любившим все русское, ни секунды не мыслившим себя в иной системе координат.

Два цвета рифмы

Валерий Бурт

Андрей Белый и Саша Черный навсегда вписали свои имена в славную летопись русской литературы. Первый — из ярчайших представителей символизма, второй — неподражаемый стихотворец-сатирик. Октябрь 2015-го ознаменовался 135-летием этих самородков Серебряного века.

«Нельзя, мол, отказать в таланте...»

ЕСТЬ ли между ними сходство? Да, и признаков одного немало. Контрасты? И таковые имеются.

Родились не просто в один год — в один месяц. Черный — 13-го, Белый — 26 октября 1880 года. Оба долго жили в сиянии ослепительной литературной славы.

Саша покинул Россию в 1920-м, Андрей (ненадолго) — спустя год. И тот, и другой ушли из жизни рано, причем оба — совершенно неожиданно. Белый умер в самом начале 1934-го — ему исполнилось пятьдесят три. Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище. Черный закончил свои земные дни, когда ему было без малого пятьдесят два. Покоится во французской земле.

Черный — мизантроп, язва, скептик. Сам себе вынес приговор: «В литературном преискуранте / Я занесен на скорбный лист: / «Нельзя, мол, отказать в таланте, / Но безнадежный пессимист».

Белый, по выражению Марины Цветаевой, — «изящный, изысканный, птичий — смесь магистра с фокусником».

Всем известно, что Черный и Белый — псевдонимы, монохромно-эффектные, запоминающиеся, отчасти зеркальные по отношению к их творчеству.

«Зритель» пострадал из-за «Чепухи»

Саша Черный, Александр Гликберг, родился в семье одесского аптекаря. В этом есть некий иронический подтекст — отпрыск в какой-то степени продолжил дело отца и тоже стал потчевать россиян различными снадобьями. Но не для тела, а для души — средствами сатирическими и саркастическими.

В семье Гликбергов было двое сыновей с именем Саша — блондин и брюнет. Темные волосы как раз и стали поводом для псевдонима.

Дебютное стихотворение невысокий молодой человек с грустными глазами опубликовал в июне 1904 года в житомирской газете «Волынский вестник». Творение называлось «Дневник резонера». Текст, высмеивавший провинциальные нравы, венчала странная, на первый взгляд, подпись «Сам по себе». Именно таким он и стал в русской литературе — ни на кого не похожим.

Возможно, господин Гликберг подался бы в фельетонисты, если бы через два месяца «Волынский вестник» не испустил дух. Начинаящий же сатирик, наоборот, духа набрался и отправился в поисках счастья в столицу. Судьба не сразу одарила одессита литературной удачей. Для начала фортуна поспособствовала его жизненному устройству. Гликберг служил в конторе на Варшавской железной дороге, где и женился. Причем на своей начальнице, которая была старше его на несколько лет. Брачный союз, однако, оказался прочным.

Вскоре и литературные дела пошли замечательно. Первое же питерское стихотворение «Чепуха», опубликованное в журнале «Зритель», было замечено. В нем Черный со всей присущей эпохе злостью куснул власть:

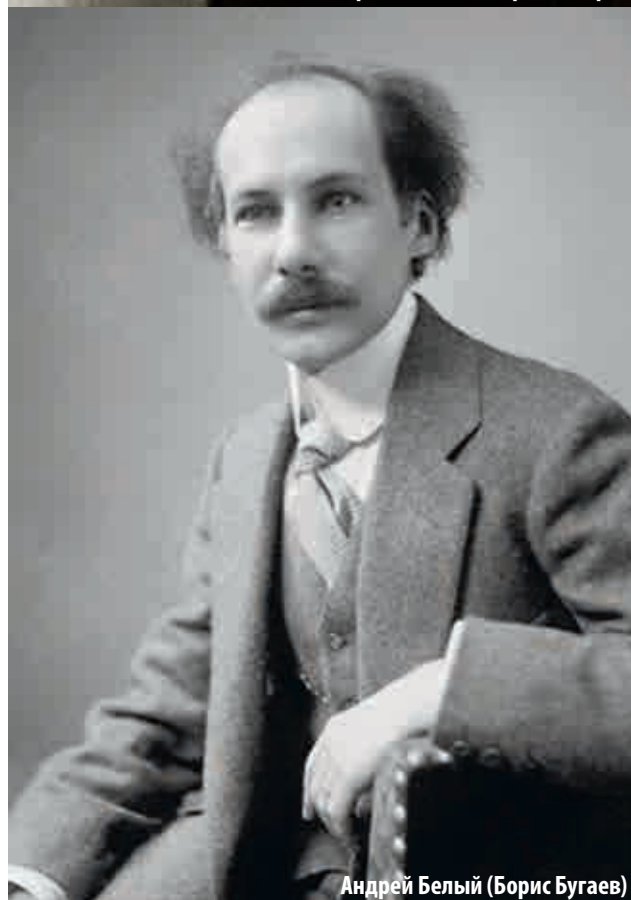
*Трепов — мягче сатаны,
Дурново — с талантом,
Нам свободы не нужны,
А рейтузы с кантом.*

Из-за этих виршей «Зритель» закрыли. Ну а звезда Саши Черного засияла на долгие годы. С болью и «безнадежным пессимизмом» он обнажал симптомы болезни, поразившей «нищих духом». Отныне стихотворец стал желанным гостем на страницах едва ли не всех сатирических изданий Российской империи. Но в основном публиковался в знаменитом в те времена «Сатириконе». «Получив свежий номер журнала, читатель прежде всего искал в нем стихи Саши Черного, — писал Корней Чуковский. — Не было такой курсистки, такого студента, врача, адвоката, которые не знали бы их наизусть».

Впрочем, своему успеху поэт во многом был обязан времени: Россию захлестнули протестные настроения — гулкое, тревожное эхо первой русской революции.

Саша Черный (Александр Гликберг)

Андрей Белый (Борис Бугаев)

«Всегда танцующий Боря»

В отличие от Черного, Борис Бугаев, сын профессора Московского университета, Белым стал довольно быстро. Такой псевдоним предложил друг семьи, брат философа Владимира Соловьева Михаил. Это было сделано, дабы скрыть от близких «декадентские увлечения».

Белый всерьез взялся за литературное творчество не сразу, а лишь по окончании естественного отделения физико-математического факультета МГУ. Ему даже светила удачная карьера биолога. Хотя его литературные публикации мелькали еще в университетские годы. И уже тогда бурно обсуждались.

Первыми произведениями Белого были «симфонии». Однако он и сам не мог толком объяснить, что сие означает. В них духовные порывы к «мистическому идеалу» сосед-

ствовали с картинами пошлости и уродств реальной жизни.

Зинаида Гиппиус назвала его «всегда танцующий Боря». Она же описала «бесконечно льющиеся, водопадные речи Бори, с жестами, с лицом вечно меняющимся — почти до гримас...»

Б е л ы й ,
п р о з в а н н ы й
с о в р е -

В начале XX века Белый — уже известный литератор, постоянный автор журналов «Мир искусства», «Весы». Он не только прозаик, но и старательный исследователь символизма, а также природы творчества. Важная часть его литературного наследия — работы по филологии, в основном по стиховедению и поэтической стилистике.

«На него смотрели, верней: его смотрели, как спектакль, сразу, после занавеса бросая одного, как огромный Императорский театр, где остаются одни мыши», — вспоминала Цветаева.

Белый часто задевал своего приятеля Александра Блока, причем дважды дело чуть не дошло до дуэли. Ныне упоминается нередко и далекий от литературы факт: Белый едва не увел у Блока жену Любовь Дмитриевну. Точнее, это произошло, но Менделеева вернулась к мужу...

За Черным таких подвигов не водилось — жил себе и творил. В «амурах» на стороне замечен не был, с коллегами оставался подчеркнуто вежлив. Хотя разногласия случались. К примеру, поначалу дружеские отношения с Чуковским дошли до открытой ссоры.

менниками «писателем-художником», был неустанным искателем новых литературных форм, символов и образов. Стиль, извлеченный из бурлящего потока слов, жанр ритмизованной прозы зримо передавал эмоции и настроение. Да и в живописи он оставил след: в Российской национальной библиотеке хранятся два его альбома — пейзажи Кавказа и декоративные композиции.

Эмигранты поневоле

Революции, словно освежающей грозы, ждали оба писателя. Февральские перемены 1917 года приняли. Октябрь же виделся им мрачным, холодным, устрашающим, как ураган, варварским сломом привычных устоев. И наводнением кровавым. Черный эмигрировал. Жил в Литве, Берлине, Риме.

В 1924-м переехал — уже окончательно — в Париж. Продолжал много работать, создавать свои «сатиры», стихи и рассказы для взрослых и детей. Его по-прежнему много издавали, он был популярен, но... Чувствовал себя чужим и одиноким. Даже хлеб вдали от Родины казался черствым.

Белый остался в России, однако проводил время в смятенных терзаниях. Несколько раз подавал прошение о выезде за рубеж на лечение — получал отказ. Наконец, после очередной бумаги ему позволили эмигрировать в Германию.

И Белый за границей — отверженный. Публикации есть — счастья нет. Более того, он встречается с открытой враждебностью соотечественников, считающих его пособником большевиков. Возвращается в Россию в 1923-м, в один год с Алексеем Толстым и тысячами других русских эмигрантов. То была волна «возвращенцев», правда, не слишком мощная.

Советская власть смотрит на Белого настороженно, но публиковаться ему позволяют. Он ездит с выступлениями по стране, начинает работу над гигантской эпопеей «Москва» — неким противовесом давнему роману о Петербурге. Успел написать две части первого тома — «Московский чудак» и «Москва под ударом». Из-под пера писателя выходят мемуары «На рубеже двух столетий», «Начало века», «Между двух революций». Увы, другим планам сбыться было не суждено.

«Золотому блеску верил...»

В августе 1932 года у соседей Черного случился пожар, и поэт бросился спасать детей. После происшествия успел немного поработать в саду, ничто вроде не предвещало беды. Однако через некоторое время его настиг смертельный приступ.

Белый умер полутора годами позже — от атеросклероза, спровоцированного солнечным ударом, незадолго до этого полученным в Коктебеле. Он словно напроорочил себе подобную гибель много лет назад:

*Золотому блеску верил,
А умер от солнечных стрел.
Думой века измерил,
А жизнь прожить не сумел...*

В некрологе, опубликованном в «Известиях», был охарактеризован как «замечательнейший писатель нашего века, имя которого в истории станет рядом с именами

классиков не только русских, но и мировых».

Об уходе Саши Черного на Родине никто тогда не узнал. В парижских «Последних новостях» Владимир Набоков прощальное слово о нем завершил так: «Мне только хотелось как-нибудь выразить запоздалую благодарность, теперь, когда я уже не могу послать ему письма, писание которого почему-то откладывал, теперь, когда все кончено, теперь, когда от него осталось только несколько книг и тихая, прелестная тень».

Красные и белые

С. МАСАЛЫГИН. «ГЕНЕРАЛ ЛАВР ГЕОРГИЕВИЧ КОРНИЛОВ». 2009

«ГЕНЕРАЛ ДМИТРИЙ МИХАЙЛОВИЧ КАРБЫШЕВ»

Господа генералы

Елена Мачульская, Омск

В музее Омского кадетского корпуса их портреты — рядом, на одной стене. И с первого взгляда заметно сходство между этими знаменитыми генералами. В глазах, в выражении лиц читается то, что во времена рыцарства называли *poble de cog* и ценили превыше знатного происхождения, — внутреннее благородство. Безумие Гражданской войны развело удивительно талантливых выпускников главного военного училища Сибири по разные стороны баррикад.

ЛАВР Корнилов превращал в боеспособную армию разрозненные отряды воинов, не принявших октябрьский переворот. Дмитрий Карбышев, со дня рождения которого 26 октября исполняется 135 лет, работал на победу красных. Но если всмотреться внимательнее, общего в их судьбах больше, нежели различий.

Оба — выходцы из казачьего сословия. Правда, воспитание получили разное. Корнилов появился на свет в 1870 году в степной станице на территории нынешней Семипалатинской области. Существуют три версии его происхождения. Он то ли был сыном казака и крещеной казашки, то ли происходил из обычной казачьей семьи, просто среди предков по линии матери были калмыки. По третьей версии, казачкой была мать, отец — калмык, а фамилию маленький Лавга получил от дяди, его усыновившего.

Старинная, уважаемая казачья семья Карбышевых, в которой в 1880 году родился младший сын Дмитрий, жила в центре Омска. Они были из кряшен — крещеных татар. Отец, Михаил Карбышев, дослужился до обер-офицерских чинов, участвовал в Крымской войне, потом вышел в отставку и стал чиновником.

Первые шаги на военной стезе у обоих легкими не назовешь. Но именно в Сибирском кадетском корпусе, в атмосфере военной романтики, трудами офицеров-воспитателей в характеры этих скромных мальчишек закладывалось то, что потом сделает их героями. Здесь формировалась мощная внутренняя дисциплина.

Корнилов, на момент поступления не знавший французского языка, поначалу был принят в корпус условно и год провел на испытательном сроке. Потом блестяще сдал экзамен, и его уравнили в правах с остальными. Карбышев три года был «приходящим» кадетом — каждый день являлся в корпус из дома с улицы Полковой, учился и уходил. Ведь его старший брат Владимир уже «прославился» участием в студенческом революционном движении, и семья оказалась под надзором полиции. Но на четвертый год все ограничения для кадета Карбышева отменили — за исключительные успехи в учебе.

Оба будущих генерала с разницей в десять лет блестяще окончили

корпус и получили право выбора заведения для дальнейшей учебы.

Любовь к математике привела Лавра Корнилова в престижное Михайловское артиллерийское училище. Дмитрий Карбышев выбрал Николаевское инженерное. Отдав военной службе несколько лет после завершения учебы (Корнилов предпочел блестящему Петербургу Туркестанский военный округ, Карбышев служил в Маньчжурии, потом во Владивостоке), молодые люди продолжили свое образование. Корнилов, блестяще сдав вступительные экзамены, был зачислен в слушатели Николаевской академии Генерального штаба. Окончил ее с малой серебряной медалью и «с занесением фамилии на мраморную доску», вновь отказался от места в Петербурге и уехал в беспокойный Туркестанский военный округ. Карбышев поступил в Николаевскую военно-инженерную академию, также поразив всех на экзаменах своими познаниями. В 1911 году за лучший дипломный проект «Крепости и форты» ему присудили премию имени героев Порт-Артура генерал-лейтенанта Кондратенко и его сподвижников.

С 1926 года Дмитрий Карбышев преподавал в бывшей Николаев-

ской академии, переименованной теперь в Академию имени Фрунзе. Через восемь лет он стал начальником кафедры военно-инженерного дела. А в 1938-м окончил Академию Генерального штаба. От него, кстати, судя по всему, пошла любимая поговорка саперов: «Один сапер, один топор, один день, один пень». По-карбышевски она звучала так: «Один батальон, один час, один километр, одна тонна, один ряд». То есть батальон за час устанавливает километр однорядного проволочного заграждения, для чего требуется тонна колючей проволоки.

У них были две общие войны — до той, что сделала их противниками. Сначала — Русско-японская, где оба стали героями, явив примеры удивительного мужества. Лавр Корнилов был награжден Георгиевским крестом, Дмитрий Карбышев — пятью орденами и тремя медалями. Получив приказание отвести от Мукдена полки, понесшие большие потери, подполковник Корнилов со своей бригадой несколько часов удерживал наседавшего противника у деревни Вазье, обеспечивая организованное отступление. Когда деревня была окружена японцами, корниловцы штыковой атакой прорвали

Здание Омского кадетского корпуса

ФОТО: ВАЛЕРИЙ ГАШЕВ/ТАСС

КРАСНЫЕ И БЕЛЫЕ

окружение. Командир вывел свою уже считавшуюся уничтоженной бригаду вместе с ранеными и знаменами, сохранив полный боевой порядок, на соединение с армией.

Карбышев с самого начала войны находился на переднем крае. В составе Восточно-Сибирского инженерного батальона он под огнем обеспечивал бесперебойную связь штабов соединений между собой и с войсками на передовой. Потери инженерных частей были огромны — состав их к концу войны сократился вдвое. Военный инженер награждался и за отличие в боях: он командовал саперами и в экстренном случае по собственной инициативе поднимал их в атаку. Так случилось не единожды.

В Первую мировую Карбышев и Корнилов воевали в Карпатах в составе 8-й армии генерала Брусилова. 48-ю пехотную дивизию, которой командовал Лавр Георгиевич, скоро стали называть «Стальной». Она отличилась во многих операциях. На счету Корнилова немало удачных дерзких вылазок и взятых высот. «Не человек, стихия», — говорил о нем взятый корниловцами в плен австрийский генерал Рафт.

Дмитрий Михайлович был инженером 69-й и 78-й пехотных дивизий, а позднее — начальником инженерной службы 22-го Финляндского стрелкового корпуса. И вновь он демонстрировал отвагу: в штыковых атаках, в сражении за Перемышль, участвуя в знаменитом Брусиловском прорыве.

Оба были людьми не только изумительно смелыми, но и поразительно одаренными.

Когда Дмитрий Карбышев в 1911-м строил форты будущей легендарной Брестской крепости, его технические проекты посылались в Петербург и Варшаву как образцовые. Он стал автором многих изобретений. Одно из них получило его имя: «тенета Карбышева» — проволочное заграждение, которое можно установить перед окопом за несколько минут.

М. ШУБ «НАШ БРОНЕПОЕЗД»

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Корнилов со своими сторонниками. Москва, август 1917

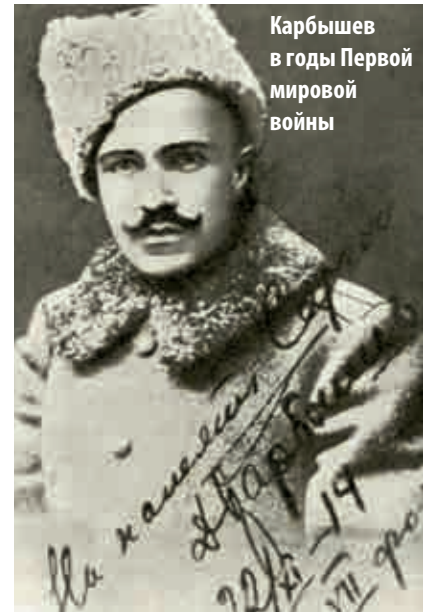
Перед войной под его руководством на границах Советского Союза были построены оборонительные сооружения, впоследствии названные линиями Сталина и Молотова. Карбышев словно смотрел в будущее — проектировал настоящие подземные крепости из металла и бетона. При строительстве батарей, прикрывавших морские рубежи, инженер требовал, чтобы орудия могли вести обстрел на 180 градусов, охватывая и море, и сушу. Великая Отечественная подтвердила, насколько он был прав.

За свою жизнь Дмитрий Михайлович опубликовал более ста науч-

ных трудов по военно-инженерному искусству. Он шутил: «Почему я так хорошо крепости строю, укрепления? Потому что моя фамилия с тюркского переводится как «черный мыш», или суслик».

Лавр Корнилов укреплял рубежи родины по-иному. Совершил множество исследовательских и разведывательных экспедиций в Восточном Туркестане, Афганистане, Персии. Порой проникал во вражеские крепости под видом дервиша или купца и, рискуя жизнью, добывал ценнейшие сведения. Русские разведчики, которыми он командовал, стали первыми европейцами,

«СТРОИТЕЛЬСТВО БРЕСТСКОЙ КРЕПОСТИ»

Карбышев
в годы Первой
мировой
войны

прошедшими через «Степь отчаяния» еще в 1901 году — на картах Ирана та обозначалась тогда белым пятном с отметкой «неисследованные земли». Все путешественники, пытавшиеся прежде изучить этот опасный район, погибали от нестерпимой жары, голода и жажды. В Индии Лавр Георгиевич занимался анализом состояния британских колониальных войск, в Китае служил военным агентом.

Он знал немецкий, французский, английский, персидский, казахский, монгольский, калмыцкий и урду. Увиденное в загадочных восточных землях подробно описывал в книгах и очерках.

Оба сражались до конца, не падая духом в самых безнадежных ситуациях. У одного последняя битва длилась три с половиной года — в фашистских лагерях смерти. У другого — год с небольшим, в стране, повергнутой в хаос.

Накануне Великой Отечественной генерал Карбышев работал на западной границе. Война застала его в Гродно. Ценному специалисту тут же было предложено отбыть в Москву, но он категорически отказался. В эти страшные дни делал все, чтобы помочь остановить наступление врага. Бои становились все более ожесточенными. Десятая

армия, в штаб которой перешел Карбышев, отходила на восток. В августе наши части попытались вырваться из окружения. При форсировании Днепра генерал был контужен и захвачен в плен.

Гитлеровцы рассчитывали использовать его на службе Третьему рейху. Но получили ответ: «Мои убеждения не выпадают вместе с зубами от недостатка витаминов в лагерном рационе. Я солдат и остаюсь верен своему долгу». Его переводили из лагеря в лагерь, условия становились все более жесткими, но повсюду пожилой генерал оказывался лидером духовного сопротивления. К слову, авторству Карбышева приписывают «Правила поведения советских командиров и бойцов в немецком плену», которые помогали людям выжить в нечеловеческих условиях.

В ночь 18 февраля 1945 года в концлагере Маутхаузен он принял мученическую смерть под струями ледяной воды, так и не встав на колени перед врагом. Его тело нацисты сожгли в крематории.

Лавр Корнилов после Февральской революции сначала пытался спасти страну и армию от разрушения, потом — уберечь хоть что-то в творившемся хаосе. Стал первым командующим Доброволь-

ческой армией. Его имя сделалось знаменем Белого движения. Антон Деникин писал: «В нем, как фокусе, сосредотачивалось все: идеи борьбы, вера в победу, надежда на спасение». Потом был «Ледяной поход» — по дорогам и бездорожью Кубани, под дождем, сменившимся снегом, в обледенелых шинелях, на грани человеческих возможностей. При штурме Екатеринодара Корнилов появлялся на линии огня в самые опасные минуты... Вражеский снаряд настиг его 13 апреля 1918 года в доме, где находился штаб. Гроб с телом Корнилова был тайно захоронен при отступлении через немецкую колонию Гначбау. Большевики, занявшие эту местность, разрыли могилу и отвезли тело генерала в Екатеринодар. Там оно было сожжено...

Им не суждено было найти смерть в бою. Ни у того, ни у другого нет могилы. Имя несломленного генерала Дмитрия Карбышева для всех советских людей стало синонимом мужества. Имя доблестного Лавра Корнилова служило и служит символом самозабвенной любви к Родине. Оба одинаково достойны того, чтобы о них, истинных патриотах и офицерах, совершавших порой невозможное, Россия помнила всегда.

Родное слово

Сердце, тронутое холодком

Денис Бочаров

3 октября — 120 лет со дня рождения Сергея Есенина. История русской — да и мировой — поэзии полна искалеченными душами, израненными сердца-ми, трагическими финалами. Вернее всех удел мастеров рифмованного слова обобщил другой наш культовый и тоже безвременно ушедший стихотворец: «Кто кончил жизнь трагически — тот истинный поэт». Но все же более над-рывную судьбу, чем та, что выпала на долю Есенина, вообразить трудно.

САМОЕ печальное во всей есенинской биографии — поразительное несоответствие между его светлым обликом и пронизанным смертной тоской творчеством. При-рода щедро одарила поэта — в лице Есенина она словно продемонстрировала, на что потенциально способна, если хочет сотворить эталонного человека. Он был неверо-ятно красив, причем это бросалось в глаза не только женщинам. Физическая привлека-тельность вкупе с огромным талантом, граничащим с гениальностью (или, скорее, плав-но переходящим в нее), невольно наводили на мысль: так Создатель награждает тех, кого хочет сделать счастливыми. Но увы, тому же Провидению было угодно лишить Есенина обыкновенного человеческого счастья.

Он стремительно ворвался в мир поэзии, который и до появления рязанского самородка пестрел выдающимися именами. Однако успех нисколько не уменьшил его томительных метаний и внутренних терзаний. Напротив, только усилил их. Понятный в стихах, Есенин как личность оставался для большинства современников тайной за семью печатями. Его нарочито хулиганский, разгульный, порой беспутный образ жизни сослужил «златокудрому Лелю» плохую службу: еще долго после смерти его будут называть кабацким поэтом. Многие попросту отказывались разгадывать загадку личности Есенина, полагая, что и тайны-то никакой нет. Драму его жизни зачастую сводили к схеме: пил, гулял, скандалил, дебоширил. В конце концов заскучал и повесился...

Максим Горький на кончину поэта отреагировал так: «Драма Есенина — это драма глиняного горшка, который столкнулся с чугунным, драма человека деревни, который насмерть разбился о город». Наблюдение, хоть и довольно циничное, но в чем-то справедливое. Ведь у Есенина, как, впрочем, у большинства выходцев из глубинки, был определенный комплекс провинциала: желание славы и признания, помноженное на гипертрофированную самокритичность. Прекрасно осознавая уровень собственного дарования («Я о своем таланте много знаю. Стихи — не очень трудные дела») и в целом будучи весьма самовлюбленным человеком, он никогда не был собой по-настоящему доволен. И постоянно стремился вырывать очередной кусок славы — ему казалось, что ее недостаточно. Покорив Москву и объездив Россию, Есенин решил положить к своим ногам весь мир. Но в Америке его всерьез не восприняли, считая всего лишь мужем Айседоры Дункан. Многие исследователи сходятся во мнении, что именно поездка в Штаты подкосила поэта. По возвращении

Рисунок Ю. Анненкова. 1923

приступы маниакальной депрессии, которой Сергей Александрович страдал от рождения, начали принимать очертания смертельной болезни. Все чаще в его лирике стали звучать упаднические, апокалиптические, а порой и вовсе суицидальные мотивы:

*Холодят мне душу эти выси,
Нет тепла от звездного огня.
Те, кого любил я, отреклись,
Кем я жил — забыли про меня.*

Или:
*Мы теперь уходим понемногу
В ту страну,
где тишь и благодать.
Может быть,
и скоро мне в дорогу
Бренные пожитки собирать.*

А также:
*Любимая, ну что ж! Ну что ж!
Я видел их и видел землю,
И эту гробовую дрожь
Как ласку новую приемлю.*

Женщины обожали Есенина, однако сам он взаимностью отвечал редко. Едва ли можно сказать, что в его жизни была великая, всепоглощающая любовь. К России — да, к поэзии — несомненно, к славе (читай к самому себе) — безусловно. Но не к единственной даме (хотя взаимоотношения со слабым полом составляют изрядную долю есенинского наследия). Казалось, осознавая свою неотразимую притягательность для женщин, он отчаянно бежал от них:

С Анатолием Мариенгофом, Иваном Грузиновым, Вадимом Шершеневичем и Фанни Шершевской. 1924

*Я всегда хотел, чтоб сердце меньше
Билось в чувствах нежных и простых,
Что ж ищу в глазах я этих женщин —
Легкодумных, лживых и пустых?*

Есть распространенная точка зрения: Есенина доконала нервозная, неустроенная общественно-политическая ситуация в бесконечно обожаемой им стране. Переживая за ее судьбу, поэт еще больше пил, еще громче скандалил и еще показательнее хулиганил. И в конечном итоге ничего лучше не придумал, «в петлю слазил в «Англетере». Гипотеза не лишена оснований, хотя и не бесспорна. Не будем забывать, что события 1917 года Сергей Александрович принял с энтузиазмом. В своей краткой автобиографии, написанной незадолго до смерти, отмечал: «В годы революции был всецело на стороне Октября, но принимал все по-своему, с крестьянским уклоном».

Современница Есенина, лично его знавшая писательница и журналистка Софья Виноградская в своих воспоминаниях «Как жил Есенин» приводит любопытный фрагмент диалога между ним и его матерью:

«— Чего ты разворачалась — «плохо да плохо»? Раньше лучше было? Царя, что ли, тебе захотелось? Нет, ты мне скажи, мать, раньше лучше было? Скажи, ну, скажи!»

— Ну, Серег, ну отстань. Я не знаю, лучше было или хуже.

— А не знаешь, так что ж ты... скулишь? Ты ж, старуха, на советскую власть скулишь!

— Да не на нее я, а на налог. Чтой-то он уж очень-то большой выходит, где ж взять-то денег столько?

— Как где взять? Ты, что ль, его платишь? Ведь я же этот налог плачу. А мне кто дает деньги? — Советская власть. Ведь меня советская власть создала. Не будь ее, и меня бы не было бы, а ты, старая, скулишь на нее. Говори же, ты за кого, за царя или за советскую власть?

— Я за тебя, Сережа!

— А я за советскую власть! То-то! Мужики, говорят, уважают меня?

— Уважают, Сережа, уважают.

— Так передай ты этим сукиным сынам, что я за советскую власть, и если они меня уважают, то должны и власть советскую уважать!».

Впрочем, Есенин, будучи до мозга костей творческой личностью, а значит, донельзя противоречивым человеком, порой и сам «поскуливал» на советскую власть. Наслушавшись споров про грязь, некультурность и отсталость деревни, бывало, в сердцах восклицал: «Ну, нельзя, нельзя так дальше. Советская власть должна что-нибудь сделать. Так жить нельзя». Как бы то ни было, едва ли можно со стопроцентной уверенностью утверждать, что решающим фактором трагического финала стала искренняя боль за судьбу Родины, как

С Айседорой Дункан. 1922

порой любят романтизировать обстоятельства смерти Есенина некоторые исследователи.

Терзающие его душу думы об общественном все же не могли затмить личного. Сергей Александрович, повторимся, был очень гордым и даже эгоистичным человеком. Считал себя лучшим поэтом России и требовал соответствующего отношения. Но далеко не всегда с таковым сталкивался. Нежелание иных видеть в нем большого автора злило и задевало. И тогда он оскальчивался (дескать, и так считают хулиганом — чего уж терять):

Со студентами
Сельхозинститута у памятника
Пушкину. Царское Село. 1924

*Мне осталась одна забава:
Пальцы в рот — и веселый свист.
Прокатилась дурная слава,
Что похабник я и скандалист.*

Веселого свиста не получалось. Все чаще выходил отчаянный, надсадный хрип: «Были синие глаза, да теперь поблекли», «Жизнь — обман

с чарующей тоскою», «Дайте мне на родине любимой, все любя, спокойно умереть»...

По свидетельству современников, поэт радовался, как ребенок, когда получал из издательства маленькие сборнички своих стихов: разглядывал, перелистывал, по-

казывал друзьям. И предвкушал выход собрания собственных произведений. Говорил: «В России почти все поэты умирали, не увидав полного издания своих сочинений. А я вот увижу свое собрание. Ведь увижу!» Не увидел.

Трагедия Есенина была еще и в том, что без поэзии он жизнь не мыслил — не писать не мог. Помимо трепетной любви к слову, у него не было в жизни других страстей. Но стихи — особенно созданные в последние два года жизни, ставшие для поэта своего рода «болдинской осенью» — высасывали из него все соки. К стиху он был очень требовательным. Пел не столько голодом, сколько всем своим естеством, искренне полагая, что «быть поэтом — это значит... рубцевать себя по нежной коже, кровью чувств ласкать чужие души».

Лаская чужие души, Есенин нещадно терзал свою. И однажды промозглой декабрьской ночью под занавес 1925 года — спустя неделю после окончания лечения в психоневрологической больнице — душа не выдержала.

Памятник Сергею Есенину
в Константиново, теперь
украшает ДК в селе
Кузьминском.
Скульптор И. Онищенко.

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Под псевдонимом Рамзай

Владимир Перекрест

4 октября исполняется 120 лет со дня рождения легендарного советского разведчика Рихарда Зорге, пожалуй, самого известного в мире представителя этой профессии. Считается, что именно он предупредил руководство СССР о точной дате нападения гитлеровской Германии, однако Сталин не поверил агенту.

ОТом, кто такой Зорге, в СССР узнали в 1964 году. Тогдашнему лидеру страны Никите Хрущеву показали снятый тремя годами ранее франко-итальянский фильм «Кто вы, доктор Зорге?». Главный герой — атлетичный красавец, любитель шумных застолий, обольститель, в чьих объятиях побывали чуть ли не все женские персонажи филь-

ма. При этом — опытный, хладнокровный и очень результативный разведчик, работающий под журналистским прикрытием. Его главная агентура — влюбленная в него жена посла Германии в Токио и советник премьер-министра Японии принца Коноэ, оба — ценнейшие источники информации. Вот Зорге узнает о готовящемся нападении Японии на Китай (1937) и сообщает об этом в Центр. Вот, почувствовав слезку, дает своему радисту команду уничтожить передатчик, а сам от греха подальше отправляется в Маньчжурию военным корреспондентом. Его фронтовыми репортажами во «Франкфуртер цайтунг» зачитывается вся Германия, по возвращении он званый гость на всех приемах, сближается с располагающимися в союзной Рейху Японии высшими немецкими чинами, от него нет секретов, наоборот, он становится кандидатом номер один на пост руководителя отделения нацистской партии на территории островного государства. И наконец, главное, что поразило советского лидера, — сообщает в Москву точную дату нападения Германии на Советский Союз. Ему не верят. И смена кадра — жестокая бомбардировка. Мол, зря не поверили. А еще через какое-то время — новое важнейшее донесение: Япония не планирует нападать на СССР. Значит, Красной Армии не грозит война на два фронта. И можно смело перебрасывать дивизии с Дальнего Востока под Москву. Кому, как не Хрущеву, бывшему членом военного совета ряда фронтов, понимать, что, возможно, именно эти свежие сибирские части обеспечили нашу победу в той битве.

Говорят, руководитель страны был ошеломлен картиной. «Это правда был такой человек?» — спросил он принимавших участие в просмотре руководителей разведки. Те кивнули. Хрущев приказал подготовить ему все документы по герою фильма. В ГРУ была создана специальная комиссия под руководством генерала Алексея Косицына, опытного разведчика, в 1942–1945 годах работавшего секретарем советского военного атташе в Японии, а после Победы возглавлявшего военно-дипломатическое представительство в этой стране.

Факты подтвердились. Это и неудивительно, поскольку в основу сценария легла документальная книга сотрудника протокольного отдела посольства Германии в Японии Ханса-Отто Майснера, хорошо знавшего «дружище Рихарда», но, как и прочие, никак не предполагавшего, что тот является советским разведчиком. Всем окружающим он казался абсолютно

ФОТО: РИА НОВОСТИ

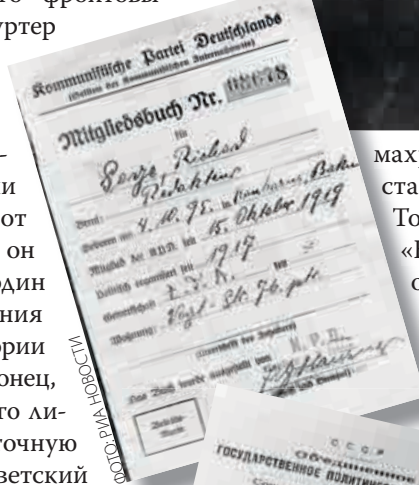

ФОТО: ТАСС

ФОТО: РИА НОВОСТИ

махровым фашистом. После того как его имя стало широко известно, один из работавших в Токио американских журналистов написал: «Нам и в голову не могло прийти, что этот оголтелый нацист, оравший по любому поводу «Хайль Гитлер!», — советский разведчик».

5 ноября 1964 года Зорге (оперативный псевдоним Рамзай) присвоили звание Героя Советского Союза посмертно. Фильм срочно перевели и выпустили в широкий прокат. Любопытный штрих. В популярной картине «Королевская регата», вышедшей в 1966 году, студент-спортсмен Вася (Валентин Смирнитский) встречает на Московском международном кинофестивале западногерманского актера Томаса Хольцмана, сыгравшего знаменитого разведчика, и уважительно приветствует его: «Здравствуйте, товарищ Зорге!» Нет, Вася не заблудился во времени. Просто авторы сделали финал открытым, оставив зрителю надежду, что Рамзай выжил. Увы, в реальной жизни чуда не произошло.

Не раз Рихарду Зорге удавалось избегать смерти. Он мог погибнуть на полях Первой мировой, в которой сын немца и русской, родившийся в Баку и выросший в Германии, сражался на стороне кайзера. Три ранения. Весь изрешеченный осколками, трое суток провисел на колючей проволоке. Перенес тяжелейшую операцию, в результате которой одна нога стала короче другой — отсюда романтическая «байроновская» хромота. Он мог погибнуть и в 1918-м, во время вооруженных столкновений с полицией, когда выступал в поддержку революции в Берлине. Или уже в Японии, когда во время поездки на мотоцикле (обожал скорость и риск) попал в страшную аварию. Титаническим усилием воли не позволил себе потерять созна-

ние, пока к месту происшествия не примчался его радист и Рамзай не передал ему портфель с секретными документами. А мог быть расстрелян перед войной, во время чисток в советской разведке. Как завербованный его чекист Оскар Стигга и непосредственный куратор — бывший руководитель советской военной разведки Ян Берзин (оба впоследствии реабилитированы). Последний под пытками дал показания, что Зорге является агентом германской и японской разведок. В 1940 году Рамзая вызывали в Москву, якобы в отпуск, но, чуя неладное, он дипломатично отказался, ссылаясь на слишком большой объем работы, не позволяющий думать об отдыхе, архивисты упоминают два таких ответа: в январе и мае. В октябре, очевидно, устав от этой игры, он прямо спрашивает Центр: «Могу ли я рассчитывать вернуться домой после окончания войны?» Обратим внимание: решающие сражения еще не начались, действует германо-советский пакт о ненападении, а разведчик не только уверен в том, что война неизбежна, но и в том, что столь же неизбежна победа, и у него будет возможность вернуться — лишь бы командование разрешило.

Японская тайная полиция гонялась за группой Зорге несколько лет. Перехватывали радиogramмы, но расшифровать их не могли. Не могли и запеленговать передатчик. Раскрыли их только в октябре 1941 года.

Как это произошло, доподлинно пока не известно. Возможно, случайно. В Японии же основной считается версия о том, что на группу Зорге вывел на допросе в тайной полиции кто-то из людей, связанных с компартией этой страны.

Прошла серия арестов и обысков у членов группы, в том числе у самого Рамзая, были найдены секретные записи, а главное — ключ к шифрам, позволивший прочитать и перехваченные ранее донесения. Отпираться было бессмысленно. На допросе Зорге стремился доказать, что не работал против Японии. Если бы это удалось, он мог бы избежать смертной казни. Да, занимался разведкой, но против Германии, а не Японии.

Однако следствие доказало, что его действия нанесли ущерб и Токио. Дело Зорге тянулось несколько лет. Япония предлагала обменять Рамзая — на кого-либо из провалившихся в СССР японских разведчиков. Почему же советское командование не пошло навстречу?

Дело в том, что на Лубянке в то время сидели уже совсем другие люди. Те, кто знал Зорге, были расстреляны. Для других, кто пришел на их место, Рамзай был темной лошадкой. В Москве не знали, верить ему или нет, были опасения, не является ли он двойным агентом.

Что касается сведений о точной дате нападения Германии, то ряд историков утверждает, что Зорге — это легенда, раздутая с подачи Хрущева. Разведчик говорил лишь о скором начале войны. В том числе и в последнем перед вторжением донесении от 20 июня. Но в Ставке и не сомневались в планах Гитлера. И если все-таки допустить, что он указывал конкретно 22 июня, то и этот день называли многие разведчики. К донесениям Рамзая прислушивались, на его сообщениях (часть их хранится в Центральном архиве Минобороны РФ) стоят резолюции начальника разведуправления РККА генерала Голикова

«Выслано Сталину, Молотову, Тимошенко, Жукову».

А вот что говорил по поводу возможного спасения Зорге Павел Судоплатов.

«Он погиб, поскольку мы не поставили вопрос о его выдаче или обмене. Такая практика вообще была. И, как правило, мы выручали своих людей, например Федичкина в Польше в 1934 году, Вольвебера («Антон»), будущего министра госбезопасности ГДР в 1938 году в Швеции. Я помню, что Фитин — начальник ПГУ писал запрос в Коминтерн о Зорге в 1941 г. Но Зорге нарушил правила, он начал давать показания, рассказывать о своей работе на СССР».

В сентябре 1943 года разведчик был приговорен к смертной казни через повешение на рояльной струне. 7 ноября 1944 приговор привели в исполнение. За тем долгое время никто не приходил, и оно было захоронено в тюремном дворе. А через несколько лет прах перенесли на кладбище в Токио. Это организовала Ханако Исии, гейша, с которой Зорге жил во время пребывания в Японии, их отношения не были оформлены официально. Она ухаживала за могилой советского разведчика вплоть до 2000 года, когда сама в преклонном возрасте ушла из жизни.

И все-таки в определенном смысле Зорге повезло. Он стал известен всему миру, ему воздали по заслугам. А ведь имена многих других разведчиков, которые тоже сделали немало для нашей страны, по-прежнему закрыты или их подвиги освещены не так широко.

Не подшиты, стареньки

«Вчера вечером слушал радио. Поймал Москву. Пела русская баба. Пела по-нашему, по-волжскому... Песня окончилась, я только тогда заметил, что реву белугой... Уж очень правдиво пела». Так Федор Шаляпин отреагировал на выступление в эфире Лидии Руслановой. 27 (14) октября отмечается 115-я годовщина со дня рождения великой русской певицы.

Лидия Русланова у стен Рейхстага. 2 мая 1945

Хранить вечно

Денис Бочаров

ВОСТОРОЖЕННО-чувственную реакцию знаменитого отечественного баса легко понять. В том, что Русланова исполняла не «правдиво», а уж тем более фальшиво (не в плане неверно взятых нот, разумеется, а в проявлении недостаточной эмоциональности) ее никогда нельзя было упрекнуть.

Лидия Андреевна жила песней, растворялась в ней. И та отвечала взаимностью, на протяжении всей жизни артистки поддерживая и выручая в самых непростых ситуациях.

Налицо тот самый случай, когда люди говорят: петь научилась раньше, чем говорить. Еще сызмальства она заслушивалась различными мелодиями, на интуитивном уровне отдавая предпочтение не пафосным маршевым мотивам (в годы, на которые пришлось детство певицы, они звучали повсеместно и были наиболее востребованы), а русской народной песне. Эту искреннюю любовь пронесет до конца дней.

Первые импровизированные «представления» девочка начала давать с шести лет. Будучи уже состоявшейся, признанной артисткой, вспоминала: «Мать лежала тяжело больная (болезнь эта и свела ее в могилу), а я расхаживала, как по сцене, на русской печке и пела все подряд, что знала... Песни учили меня, растили, воспитывали, раскрывали глаза на мир. Что я знала бы без песен, что бы могла понимать?»

Именно это знание-понимание спасло маленькую Русланову (от рождения Прасковью Лейкину-Горшенину: об истории появления сценического псевдонима, ставшего впоследствии знаменитым на всю страну, доподлинных сведений не сохранилось). Рано потерявшая родителей, сама еще несмышлениш, она была вынуждена заботиться о младших брате и сестре. Ходила по дворам, пела. Но не воспринимала это как

унижение, не стеснялась. Напротив, петь любила и делала это самозабвенно, с нескрываемым удовольствием. Однажды на девочку обратила внимание богатая чиновница и, растрогавшись, определила троих Лейкиных по разным приютам.

Окидывая взглядом хмурое саратовское приютское детство, Русланова говорила: «Пение выручало меня... На рукоделии, с которым ничего у меня не получалось, подружки выполняли мой урок, а я за это пела им или «врала», что в голову приходило, рассказывала тут же сочиненные диковинные истории... По ходу этих историй кто-нибудь из персонажей обязательно должен был петь». И она пела, на ходу придумывая и мотив, и содержание.

Незаурядный дар заметно перерос стены приюта. Слухи о саратовском самородке распространились, и в 1917 году, когда певице было шестнадцать, она дала свой первый официальный концерт — перед солдатами Временного правительства. После исполнения запланированной программы с простодушным видом спросила: «Ну а теперь что делать? Я все песни спела, которые знаю». На что из зала последовал столь же непосредственный ответ: «Да ты начинай сызнова!»

Вот в этом «сызнова» и заключается главный секрет руслановской гениальности: тесный душевный контакт установился у нее со слушателями предреволюционного, революционного и постреволюционного периодов. Русская народная песня была нужна людям вне зависимости от классов, сословий и политических убеждений. И Лидия Андреевна это прекрасно понимала: «Лет в семнадцать я была уже опытной певицей, ничего не боялась — ни сцены, ни публики... Моя вся сила была в непосредственности, в естественном чувстве, в единстве с тем миром, где родилась песня. Я это в себе берегла».

В 20-е годы ее сценический облик оформился полностью: и в том, что касается поведения на сцене, и в отношении подбора концертных костюмов. Дебюти-

ровав в 1921-м в качестве профессиональной артистки эстрадного театра «Скоморохи», она через несколько лет становится солисткой Центрального дома Красной Армии. Изменилась и личная жизнь: в конце десятилетия Русланова вышла замуж за известного конферансье Михаила Гаркави, с которым прожила тринадцать лет.

Пик всенародной популярности пришелся на 30–40-е. В предвоенное десятилетие она объездила с гастролями весь Советский Союз: от Белоруссии до Крайнего Севера и от Закавказья до Дальнего Востока. К тому же в это время широкий доступ к массовому слушателю получили грампластинки. Записи Руслановой расходились огромными тиражами.

А в годы войны певица, выезжая на фронт в составе концертных бригад, становится безоговорочным №1 среди советских артистов. Апогеем всенародного признания явилось ее выступление у Бранденбургских ворот, на ступенях поверженного Рейхстага. Именно в первой половине сороковых появились в репертуаре знаменитые «Валенки», на долгие годы ставшие

визитной карточкой. В ходе того берлинского концерта, в ответ на тысячеголосую просьбу спеть «Валенки», она, игриво подмигнув бойцам, воскликнула: «А сейчас «Валенки», не подшиты, стареньки, которые до самого Берлина дошагали!»

Тогда же, в военное лихолетье, познакомилась с генерал-майором Владимиром Крюковым, соратником Георгия Жукова. Знакомство (Георгий Константинович был желанным гостем в доме Руслановых-Крюковых) в итоге сыграло не последнюю роль в том, что несколько лет она провела в заключении. После войны Жуков, как известно, несколько лет находился в опале, и

его «тень» невольно падала на ближайшее окружение. Сначала забрали Крюкова, затем по статье 58 УК РСФСР («Антисоветская пропаганда») была арестована и его супруга. Осужденную в 1948-м, Русланову изначально приговорили к десяти годам тюремного заключения, однако спустя пять лет амнистировали и полностью реабилитировали.

В подробностях этой истории сегодня копать бессмысленно — концов все равно не сыскать. Не воспримешь без горечи крик души той поры, когда раны более-менее зарубцевались. На вопрос приемной дочери Маргариты: «Все, что ты заработала, отняли. Как ты можешь спокойно к этому относиться?» — Лидия Андреевна ответила: «Все это не имеет значения. Унизили ни за что перед всей страной — вот это пережить невозможно».

Оказалось, возможно. И страна помогла своей любимой певице: забыв, поняв и — если у кого еще были сомнения — простив. После освобождения в 53-м и вплоть до кончины двадцатью годами позднее она постоянно гастролировала, принимала участие в фестивалях. Ее неподражаемый голос звучал на радиостанциях, а неповторимый облик появлялся (пусть не так часто, как хотелось бы) на телеэкранах.

Лидия Русланова — своего рода золотая середина русской народной песенной традиции — с сугубо хронологической точки зрения. Между учительницей Надеждой Плевицкой, концерты которой девочка Лида старалась не пропускать, и Людмилой Зыкиной, правопреемницей лучшей исполнительницы таких шедевров, как «Окрасилася месяц багрянцем», «Светит месяц», «Я на горку шла», «На муромской дорожке», «Очаровательные глазки».

На то и золотая, чтобы всегда оставаться самой яркой, недостижимой.

Русланова с мужем Владимиром Крюковым

Другие берега

Под знаком восьмерки

Юрий Коваленко, Париж

В этом году исполнилось 80 лет со дня рождения Франсуазы Саган. На родине про юбилейную дату самой читаемой французской писательницы просто-напросто забыли. В России же не так давно выпустили в свет ее мемуары «Не отрекаюсь...».

Литературным наследием Саган занимается ее сын Дени УЭСТХОФФ. С ним встретился наш парижский корреспондент.

СВОЙ: *Чем Вы объясняете неслабеющую популярность Саган в России?*

Уэстхофф: На мой взгляд, успех связан с тем, что беззаботностью, открытостью, сентиментальностью, непосредственностью, щедростью моя мама и ее герои напоминают русских. Кроме того, ее много переводили еще в советские времена. А ваш народ всегда хранит верность любимым авторам.

СВОЙ: *В чем она видела миссию писателя?*

Уэстхофф: Мама утверждала: литераторы, которые думают, что могут влиять на происходящие события, сильно ошибаются. Она сравнивала автора с узником, обреченным на вечные муки творчества, а сочинительство — с работой ремесленника. В ее глазах писатель — всегда лжец, выдумщик, безумец.

СВОЙ: *Саган называли «избалованным ребенком французской литературы».*

Уэстхофф: В 19 лет на маму обрушилась колоссальная слава. Ее первый роман «Здравствуй, грусть» только во Франции разошелся тиражом более трех миллионов экземпляров. Публика сотворила себе кумира.

СВОЙ: *Саган признавала, что превратилась в миф, что к ней относились как к товару, коммерческому проекту.*

Уэстхофф: Эти слова — скорее, поза. Своими книгами мама помогала женщинам обрести независимость. В какой-то мере ее собственная жизнь служила примером эмансипации.

СВОЙ: *Саган всегда была политически ангажирована?*

Уэстхофф: В 60-е годы во время алжирской войны за независимость она выступала на стороне генерала де Голля. Видела в нем человека, ниспосланного самим провидением. Ее возмущали американские бомбардировки Вьетнама и Камбоджи. В 70–80-е годы мама активно поддерживала Франсуа Миттерана. Связывала с ним большие надежды, рассчитывала на перемены, а потом была немного разочарована его деятельностью на посту президента.

СВОЙ: *Почему Ваша мама так восхищалась Жан-Полем Сартром?*

Уэстхофф: Он был абсолютно свободен. Никогда не отказывался от своих убеждений. Писатель в равной степени сочетался в нем

Дени Уэстхофф

Мама была крайне скромна. Общение с малознакомыми людьми давалось ей с трудом. Чтобы как-то преодолеть скованность, начала пить...

с гражданином. Сартр защищал слабых и униженных. Презирал любые почести, даже отказался от Нобелевской премии.

СВОЙ: *Однако сама Саган, как и многие другие литераторы, сочиняла и ради денег...*

Уэстхофф: Конечно. С одной стороны, литература была ее призванием. Она говорила, что не смогла бы заниматься никаким другим ремеслом. С другой — ей приходилось зарабатывать на жизнь, чтобы, как говорят французы, «заполнить холодильник».

СВОЙ: *Тем не менее о ее праздности ходили легенды...*

Уэстхофф: Будь она ленивой, вряд ли написала бы более сорока романов и повестей, десяток пьес, киносценариев и множество статей. Конечно, закончив книгу, она могла по несколько дней валяться в постели, но при этом уже обдумывала новое произведение. «Может быть, я и ленива, — говорила она, — но люблю работать».

СВОЙ: *Сегодня во Франции ставят ее пьесы?*

Уэстхофф: Не так часто, как в России. Из-за обилия персонажей — это слишком затратно. Мама говорила, что является романисткой по призванию и драматургом ради забавы.

СВОЙ: *Многие книги Саган экранизированы. Как складывались ее отношения с телевидением?*

Уэстхофф: Она ненавидела ТВ за вульгарность. Выступала против тирании маленького экрана, в котором видела угрозу культуре. Несмотря на это, время от времени не без удовольствия смотрела американские сериалы.

СВОЙ: *Щедрость Саган стала притчей во языцех. Ее добротой пользовались не только друзья и коллеги, но и незнакомые люди.*

Уэстхофф: Для нее было невыносимо видеть нужду. Когда она встречала на улице нищего, часто отдавала все деньги, какие были при себе. Мама получала массу писем с просьбами прислать чек

ДРУГИЕ БЕРЕГА

на стиральную машину, пылесос или пластическую операцию. Она никому не отказывала. Обожала делать дорогие подарки. В середине 60-х презентовала тогдашнему премьер-министру Жоржу Помпиду один из первых «Ягуаров Е». Сожалела, что из нашей жизни ушло бескорыстие. Выше всего ценила доброту, ненавидела нетерпимость, самодовольство и глупость.

СВОЙ: *Когда я брал у Саган интервью, меня поразила ее застенчивость.*

Уэстхофф: Действительно, мама была крайне скромна. Общение с малознакомыми людьми давалось ей с трудом. Чтобы как-то преодолеть скованность, начала пить... Позже она не раз признавалась, что алкоголь был ее самым верным собеседником.

СВОЙ: *Когда она пристрастилась к наркотикам?*

Уэстхофф: В 1957 году мама чудом уцелела в автомобильной катастрофе. Чтобы снять боль, ей кололи морфий. В результате она на всю жизнь стала наркозависимой. Однажды полиция обнаружила у нее дома наркотики. Суд приговорил ее к условному тюремному заключению сроком на месяц.

СВОЙ: *Саган была страшно азартным человеком. Страсть к игре она объясняла русскими корнями.*

Уэстхофф: Про русских предков мне ничего не известно. Тем не менее маму всегда притягивал риск,

ее влекло к краю пропасти. Вероятно, именно поэтому она обожала азартные игры, где в одночасье можно все потерять и начать с чистого листа. Когда рулетка стала не по карману, она сама попросила, чтобы ей закрыли доступ к игорным домам. Правда, как только ее перестали пускать во французские казино, начала летать в Лондон.

СВОЙ: *Как и все игроки, она была суеверной?*

Уэстхофф: Очень. Своей счастливой цифрой считала восьмерку. С ней связаны ее первые крупные победы: 8 августа 1980 года мама поставила на восьмерку и выиграла восемь миллионов франков. Поэтому, учреждая премию Франсуази Саган, я принял решение, что лауреат получает чек на сумму 8888 евро.

СВОЙ: *Другой страстью были автомобили...*

Уэстхофф: Опять-таки потому, что скорость кружила маме голову. В 1957-м вместе с братом она даже собиралась участвовать в итальянских автогонках. Знаменитый конструктор Энцо Феррари одолжил ей машину, но соревнования признали чересчур опасными и отменили.

СВОЙ: *Неужели Ваша мама не боялась умереть?*

Уэстхофф: Напротив. Дважды она находилась в состоянии клинической смерти. Потом вспоминала, что ничего не чувствовала, все вокруг казалось серым и скучным.

СВОЙ: *После смерти Саган в 2004-м Вы взяли на себя ее миллионную задолженность фискальным органам. Вам удалось расплатиться?*

Уэстхофф: Не до конца. На это уйдет еще три-четыре года.

СВОЙ: *Почему, зная обо всех неприятностях с налогами, Вы вступили в наследство?*

Уэстхофф: Больше всего мне хотелось сохранить труды Франсуази Саган. В противном случае авторские права ушли бы с молотка. Их бы приобрели американцы или японцы.

СВОЙ: *Сайт Ассоциации Франсуази Саган начинается с шуточной эпиграфии, которую она сама сочинила: «Саган Франсуаза. Явилась миру в 1954 году вместе с тоненьким романом «Здравствуй, грусть», ставшим причиной мирового скандала. Исчезновение из жизни и творчества, в равной степени приятных и успешных, стало причиной скандала лишь для нее одной».*

Уэстхофф: Эти слова прекрасно резюмируют ее жизнь. Мама занималась любимым делом. Жила как хотела. Ее окружали друзья. Могла помогать людям, что для нее было крайне важным. Была счастливой матерью, а я — счастливым сыном.

Анатолий Громыко:

«Успешно решать планетарные проблемы МОЖНО ЛИШЬ СООБЩА»

24 октября исполнится 70 лет со дня основания Организации Объединенных Наций. Перед началом и во время юбилейной сессии ООН, прошедшей в середине сентября, мир с особым вниманием следил за программными выступлениями лидеров крупнейших государств.

Ретроспектива

Сергей Александров

КАК создавалось крупнейшее официальное объединение планеты? В чем состоит его роль в современном мироустройстве? Отвечает историк и правед, президент движения «За укрепление мирового демократического правопорядка и в поддержку ООН», сын известного советского руководителя Анатолий Громыко.

СВОЙ: *Вашего отца, наверное, справедливо причислить к непосредственным основателям ООН, ведь он возглавлял советское представительство при Организации с самого начала ее деятельности.*

Громыко: Раз уж в связи с важной датой речь зашла об отце, то, наверное, корректнее сказать так: Андрей Андреевич стоял у истоков... Появление ООН — одно из закономерных следствий Второй мировой с ее чудовищными потрясениями и колоссальными жертвами. Желание не допустить повторения подобного кошмара и привело руководителей антигитлеровской

ФОТО: PHOTOPRESS

Анатолий Громыко

коалиции к решению о создании демократической планетарной организации. Она изначально была призвана привести человечество к прочному миру, а замышлялась и всесторонне планировалась еще во время войны. В пригороде Вашингтона, Дунбартон-Окс, в конце 1944 года состоялась конференция с участием представителей США, Великобритании и СССР, на которой была разработана международ-

но-правовая платформа будущей ООН. Советскую делегацию там возглавлял мой отец. Присутствовал он и на знаменитой Крымской конференции (в феврале 1945-го), где Сталин, Рузвельт и Черчилль в отношении будущей Организации Объединенных Наций договорились о многом. Очень интересен в наши дни такой факт: советская делегация предложила представить Украинскую и Белорусскую ССР наряду с членством Союза в целом. А главное, согласились с принципом единства великих держав при решении самых сложных общемировых проблем.

СВОЙ: *То есть определили «правила игры», связанные с Советом Безопасности и правом вето?*

Громыко: Именно так. Когда-то я спросил отца, а можно ли считать право вето демократичной, справедливой нормой? Ведь ею могут воспользоваться лишь немногие государства. Он мне ответил очень коротко: «Из истории нельзя выпрыгнуть». В первые послевоенные годы вопросы мира, международной безопасности решали, по большому счету, главные победители Второй мировой. Более того, было совершенно ясно, что и в дальнейшем в этом плане мало что изменится, а ООН станет действенной, эффективной структурой лишь при условии договороспособности великих держав. Запомнилось еще одно лаконичное высказывание Андрея Андреевича на сей счет: «Право вето — это принуждение к компромиссу». Такая формулировка, на мой взгляд, очень верно отражает существо принципов деятельности Совбеза.

Андрей Громыко подписывает Устав ООН

ФОТО: ИТАР-ТАСС

СВОЙ: С чем конкретно связана дата 24 октября 1945-го?

Громыко: С ратификацией Устава ООН большинством на тот момент членов Организации и вступлением его в силу. Над основным документом перед этим работали представители полусотни стран, а 26 июня того же года в Сан-Франциско они, включая Андрея Громыко, данный Устав от имени своих государств подписали.

Короче говоря, 24 октября 1945 года был утвержден, ни много ни мало, новый мировой порядок. Разумеется, не в том значении, которое вкладывают в эти слова агрессоры, стремящиеся навязать свою волю всей планете, а в самом прямом, правильном смысле данного понятия.

СВОЙ: Однако этот порядок уже давно крайне неустойчив. Баланс мировых сил с тех послевоенных пор сильно изменился, особенно после развала СССР. Запад и США понимают словосочетание *new world order* абсолютно по-своему. Потому все чаще на разных уровнях высказываются мнения о слабой дееспособности и даже бесполезности ООН. Видны ли какие-то обнадеживающие перспективы?

Громыко: Говоря о нужности либо ненужности Организации, следует понимать простые вещи. Если сейчас ее распустить, то потом уже воссоздать нечто подобное, вновь объединить мировое сообщество на каких бы то ни было основах ни у кого не получится. И надо иметь в виду следующее: под человечество заложены как минимум три сверхмощные бомбы замедленного действия, которые самостоятельно не смогут обезвредить ни экономически развитые страны, ни их военно-политические альянсы (к примеру, НАТО). Это, во-первых, неуклонно ухудшающаяся экологическая обстановка, грозящая самыми страшными и непредсказуемыми последствиями. Во-вторых, огромное количество ядерного оружия,

ФОТО: WWW.CONTENT5

24 октября 1945 года был утвержден новый мировой порядок. Не в том значении, которое вкладывают в эти слова агрессоры, а в самом прямом, правильном смысле данного понятия

которое необходимо регулярно и самым строжайшим образом контролировать. Ну а в-третьих, всем известная триада «голод-нищета-болезни», которую локализовать или как-то регулировать у «золотого миллиарда» уже не получается. Рано или поздно эти проблемы так или иначе коснутся всех землян. Успешно решать их можно лишь сообща, в рамках единой планетарной организации. Никакие «семерки» или даже «двадцатки», обособившись от всех остальных, с этими глобальными трудностями не справятся.

СВОЙ: Уже не справляются, судя по миграционным потокам в Европу.

Громыко: А все почему? Страны Запада грубо нарушили на Ближнем Востоке и в Северной Африке основные принципы ООН. Например, такие: «Разрешать свои международные споры мирными средствами... не подвергать угрозе международный мир и безопасность и справедливость»; «воздерживаться в международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с целями Объединенных Наций».

Так вот, чтобы не сталкиваться с мировыми катаклизмами, наподобие нынешнего миграционного, ни в коем случае не следует ослаблять Организацию, разрушать ее основы. Наоборот, надо ее всячески укреплять, соблюдать выработанные веками (именно веками — вспомним Венский конгресс XIX века и другие крупнейшие форумы, определявшие международную жизнь) принципы. В противном случае миру не избежать в будущем новых тяжелейших катастроф.

Стоп-кадр

«Афоня». СССР, 1975

Режиссер Георгий Данелия

В ролях: Леонид Куравлев, Евгения Симонова, Евгений Леонов, Борислав Брондуков, Валентина Тальзина, Владимир Басов, Николай Парфенов, Готлиб Ронинсон, Нина Русланова, Раиса Куркина

Новая сказка про Колобка

Алексей Коленский

25 августа исполнилось 85 лет Георгию Данелии, а спустя сорок дней размечает пятый десяток его непутевый Афоня.

СЕРЕДИНА 70-х, бум жилстроя: топча бараки, тесня сталинки, рвутся ввысь районы, кварталы, жилые массивы. На глазах меняется, мельчает гегемон советских городов: нищу ворчливых дворников и громогласных управдомов занимают люди нового типа — озорные сантехники.

Приглядевшись к новым персонажам, бывший штукатур-маляр, а также инженер-проектировщик, вгиковский выпускник Александр Бородянский воспекает ушлых мужиков в дипломной киноповести. На следующий год история «Про Борщова, слесаря-сантехника ЖЭКа №2» побеждает на конкурсе сценариев о рабочем классе. Понимая, что злободневная сатира с открытым финалом требует крепкой руки, чиновники Госкино предлагают текст Данелии.

«Я встретился с Бородянским, мы поговорили, выяснили, что понимаем друг друга, и сели работать, — вспоминал режиссер, — в итоге чуть-чуть изменилась интонация, кое-где сместились акценты, и появилось новое название — «Афоня». На Афоню у нас было три кандидатуры — Даниэль Ольбрыхский, Владимир Высоцкий и Леонид Куравлев. Остановились

на Куравлеве. И не ошиблись! Есть в Куравлеве какой-то секрет. Афоне в его исполнении прощают то, чего никогда бы не простили ни Афоне Ольбрыхского, ни Афоне Высоцкого. А этого мы и добивались. Нам хотелось, чтобы зрители в конце фильма не возненавидели его, а пожалели... Думаю, что мы даже слегка перестарались... На «Мосфильм» пришло немало возмущенных писем от жен пьющих особей. Особенно запомнилось одно, в нем дама из Омска спрашивала: «Товарищ режиссер, а вы сами когда-нибудь спали с пьяным сантехником?»

Несмотря на мелкие недоразумения и сдержанную критику, «Афоня» становится чемпионом проката, любимцем более чем шестидесяти миллионов зрителей. Секрет успеха объясняется не только природным обаянием Куравлева. Понимая, что за плечами актера маячат образы обожаемых народом парней — шукшинского Пашки Колокольникова, непутевого панфиловского Аркадия из «Начала», скользкого гайдаевского хвата Жоржа Милославского, — режиссер идет ва-банк: позволяет водопроводчику распоясаться и покурорлесить на коммунально-жилищной натуре, которую до него культивировал лишь «Фитиль» Сергея Михалкова. Правда, в отличие от

авторов киножурнала, Данелия воплощает не отдельные недостатки пижона с нашего района, а деревенскую мечту о бойком да небезопасном городском житье-бытье.

Воспитанный тетей Фросей, отслуживший срочную службу удалец-молодец вращает в город, крутится, бойко шлепает языком, меняет знойных подруг и виртуозно выкручивается из неприятностей. Как колобок, петляет по кривым стежкам-дорожкам, плурует, унывает, устает. И, наконец, решает махнуть к истокам — в родную деревеньку. Глядь, а тети Фроси и нет, и избушка заколоченная сигнализирует: никому на белом свете Афоня не нужен. Очень грустная сказка сказывается.

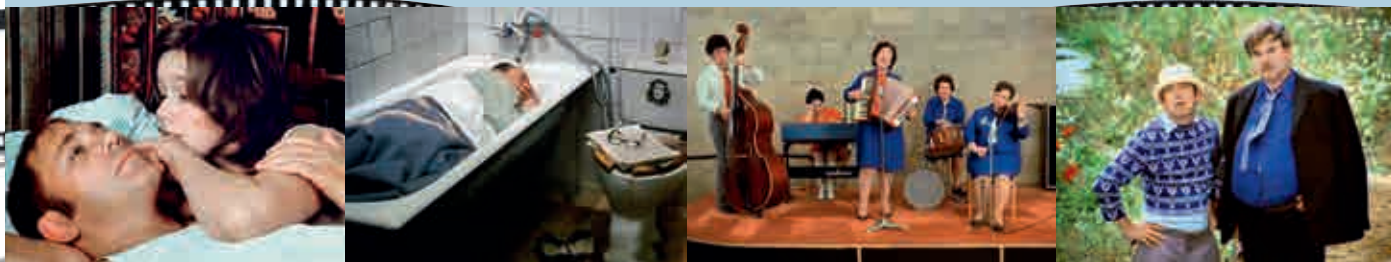
К счастью, помимо фольклорного шарма, в рукаве у Данелии обнаруживаются феллиниевские дамы, щемящая шукшинская грусть, лирическая линия и архетипический метасюжет, с которым он успел подружиться в «Джентльменах удачи»: Герой и его Тень.

«Штукатур Коля, случайный собутыльник Афанасия Борщова из фильма «Афоня», — кто он? На мой взгляд, это просто мещанин с мелкой трусливой душонкой. И предает он своего друга по-мещански. «Приходи, мол, ко мне, когда жены дома не будет». И не то главное, что эгоист, а то, что безразлич-

ный. Самая страшная категория людей — безразличные. При этом посмотришь: душа нараспашку. А копнешь...» — размышлял Евгений Леонов, раскусивший и Колю, и Афоню.

Но не взаимное безразличие героя и среды стало двигателем данелиевской истории, а переоценка ценностей. В то время как сантехник, меняя маски, прикидывается то искусственным наставником, то любвеобильным бонвиваном, ищет и не может никак отыскать городскую подругу, на его жилплощадь вселяется «родственник». Расторопный Коля отваживает от дома друзей-собутыльников, активно поддерживает бунт Афоня против коллектива. А последний тоже не зевает: производит уценку героя — из сантехников четвертого разряда в разнорабочие. Лишает статуса и доступа к материальным выгодам, превращает колобка в дурачину-простофилю.

Оказывается, мир Афоня хрупок, глуп и подл. Воздушные замки рассыпаются в пыль, мечты — в дым. На краю бездны героя удерживает одна ниточка — влюбленные глаза медсестрицы Кати Снегиревой. Лишь они не позволяют Афоне нырнуть в самолет и растаять за горизонтом, приковывают к катушке-земле, спасают от отчаяния и гарантируют взаимность.

На семи холмах

Светлый путь

Ксения Воротынцева

В этом году главные архитектурные памятники Первопрестольной волшеб-но, пусть и временно, преобразятся: в течение девяти дней они послужат гигантскими полотнами для световых фантазий. Мастера дизайна, играя то с формой, то с цветом, создадут диковинные миры. Те, мгновенно вспыхнув, тут же исчезнут, чтобы уступить место новым. С 26 сентября по 4 октября в столице при поддержке правительства Москвы в юбилейный, пятый раз пройдет фестиваль «Круг света».

В ПЛАНАХ организаторов — превращение в сказку Царицыно, Красной площади, Манежа, Останкинской телебашни. А также Большого театра, который прежде не раз украшали искусные мультимедийные инсталляции с узнаваемыми цитатами из величайших балетов. На фасаде возникали, например, сфинксы, и публика понимала: это аллюзия на «Дочь фараона». Или вдруг здание зарастало волшебными цветами, и вспоминалась «Спящая красавица» — глубокий сон, охвативший королевство и развеянный лишь поцелуем принца Дезира.

Эффектное шоу — вход на все его площадки совершенно свободный — привлекает огромные армии зрителей. В 2014-м их число достигло шести миллионов, и неудивительно: где еще увидишь, как колонны здания вдруг забывают о физических законах и начинают ходить ходуном или, бунтуя, сбрасывают с себя капители? Подобные игры с архитектурой, казалось

ФОТО: РИА НОВОСТИ

бы, застывшей и неподвижной, не могут не завораживать.

Дело тут не только в оптических эффектах, позволяющих зрителю на мгновение поверить в реальную трансформацию капитальных сооружений. Чрезвычайно интересен феномен света в мировой культуре. Недаром сказано в Книге книг: «Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы».

Великую силу света люди осознали в древности. Из хрестоматийных примеров — миф о пещере, изложенный Платоном в трактате «Государство» еще в 360 году до нашей эры. Философ сравнивал человечество с узниками пещеры, видящими лишь тени реальных предметов, отбрасываемые на стену. Эта аллегория позволила создателю объективного идеализма показать соотношение реальности и человеческих представлений о ней — неполных, смутных.

Огню, или, точнее, источнику света (впоследствии разгорелся спор, что же имелось в виду — может быть, костер или даже солнце), отводилась в классическом платоновском труде наиважнейшая роль. Оптические эффекты использовали и многие художники Возрождения. Оставим в стороне предположение о том, что они работали с хитроумными прибо-

ФОТО: РИА НОВОСТИ

ФОТО: РИА НОВОСТИ

рами, позволявшими получить проекцию реального изображения, которую оставалось лишь «раскрасить», — это тоже требовало незаурядного мастерства. Любопытно другое: некоторые из

них сделали игры со светом ключевой деталью картин. К примеру, Ян ван Эйк изобразил в знаменитом «Портрете четы Арнольфини» (1434) отражение супругов в небольшом круглом зеркале.

Великолепны «Менины» Веласкеса (1656), где также в зеркале видны люди: испанский король и королева Филипп IV Габсбург и Марианна Австрийская оказались за пределами полотна, рядом со зрителем.

Значительно позже появились произведения, порожденные уже непосредственно светописью — прежде всего, фотография. А затем, когда рисунок с помощью света перестал быть экзотикой, возникла новая чудесная игрушка — синематограф, синтетический феномен с опорой на технику рисования светом.

Нынешний фестиваль — бесспорное продолжение этой линии искусства. Световые и мультимедийные шоу более эфемерны, нежели фото или видео, хотя последние и удлиняют им жизнь, запечатлевая для истории.

Что увидят зрители на сей раз? Как уже стало хорошей традицией, видеомэппингу (3D-проекции на фасады зданий) подвергнется Большой театр. Одна из заявленных тем — балет «Лебединое озеро» — посвящена памяти недавно ушедшей легенды, Майи Плисецкой. Другая — опера «Кармен» — великой певице Елене Образцовой. На Патриаршие пруды нагонят булгаковской мистики: их украсит инсталляция на тему «Мастера и Маргариты».

Как и в предыдущие годы, в рамках фестиваля пройдет конкурс «Арт Вижн», где в видеомэппинге станут состязаться профессионалы и специалисты со всех уголков мира.

«Светить всегда, светить везде!» — эти слова незабвенного пролетарского поэта окажутся актуальны в серые осенние дни как никогда.

Не наделает вреда вам брусничная вода

Максим Сырников

Голландец Корнилий де Бруин, посетивший в начале XVIII века Московию, оставил такое воспоминание: «Ежегодно в Москву привозят бездну брусники, и иностранцы и русские делают из ней разные запасы и употребление. Русские кладут ее в сосуды и наливают водой, оставляя так на всю зиму, затем они выливают воду и наполняют новый сосуд, а из настоявшейся воды делают новое питье, чрезвычайно освежительное и приятное на вкус, особенно если прибавить сахару или меду».

ПОДОБНОЕ питье и есть та самая брусничная вода, которую Онегин пил в гостях у Лариных. Чаще всего это разбавленная и слегка подслащенная заливка из-под моченой брусники.

Приготовить ее проще всего так.

✿ *Стакан воды, слитой с ягод после двух-трех месяцев мочения, разбавить двумя стаканами питьевой холодной воды. Добавить две столовые ложки меда, растворить его без остатка и процедить получившееся в бутылку. Хранится такая вода долго и со временем становится только вкуснее.*

Брусничную воду делали и более сложными способами. В книгах конца XVIII века есть рецепты, согласно которым ягоды следует томить в печи, заливать кипятком и настаивать. Результат получается более насыщенным и вкусным.

✿ *Итак, берем 200 граммов брусники (можно и замороженной), кладем в эмалированный чугунный или керамический горшок. Томим в духовке либо печи до полного размягчения. А потом заливаем литром кипящей воды и сдабриваем медом или сахаром по вкусу.*

К. ЮОН. «ТРОИЦКИЙ ПОСАД. ЗАГОРСК»

Своя

ОКТАБРЬ 2015

КУЛЬТУРА
Духовное пространство русской Барщины